

по нему тамъ и сямъ о случайно выбранныхъ предметахъ, мы нашли только слѣдующія неважныя мелочи: На стран. 483 между именами Usama и Usia поставлена замѣтка: Usevolod Jaroslavič и т. д., представляющая собою искаженіе русскаго имени Vsevolod. Пропущены имена Philokales, μέγας δούξ, а. 1214 и Niketas, πρωτοσύγκελλος καὶ χαρτοφύλαξ, а. 1051, см. BZ 10, 184 и 5, 566. Пропущена и форма κατέαξα=κατήγαγον, см. BZ 1, 99. Къ слѣдующимъ статьямъ можно прибавить пропущенныя составителемъ указанія: Epitropos—4, 53; Joannes, Metropolit von Thessalonike, saec. IX—4, 98; Kleros, Titelwesen—8, 236 и 573; Komnenos Andronikos, Sohn Johannes' II—4, 8. На стран. 357 составитель приводитъ форму Perdikaros, невѣрно образованную имъ на основаніи заглавія Ἀφιερωτήριον Περδικάρου κτήτορος, но въ самомъ текстѣ документа встрѣчается именительный п. въ формѣ Περδικάρης. Тамъ же значится: Perdikas, Adressat des Balsamon BZ 4, 3, но въ заглавіи письма и на означенной страницѣ журнала имѣется болѣе вѣрная форма Περδικκας. Въ замѣткѣ «Basileios aus Achrida» оставлено безъ вниманія другое его имя Kalos и не сказано, что онъ сочинилъ рѣчь на кончину Ирины, первой супруги императора Мануила Комнина, см. BZ 4, 173—174. Въ статьѣ «Christophoros Protasekretis, byzant. Dichter» можно точно опредѣлить время его жизни (а. 874), см. Ed. Kurtz, Gedichte des Christophoros Mitylenaios, Einleitung S. XVIII. Въ статьѣ «Gregoras Nikephoros» значится: Rede auf Kauleas 7, 468; здѣсь было бы нужно указать, что въ означенномъ мѣстѣ журнала по ошибкѣ говорится о Никифорѣ Григорѣ (вмѣсто Никифора Философа, жившаго въ IX—X вѣкѣ).

Въ заключеніе нашего разбора остается намъ пріятный долгъ сердечно поблагодарить г. П. Марка за прилежный его трудъ, представляющій собою не просто механическое составленіе матеріала, но методическую научную работу, которая каждому византологу окажется необходимою опорой и надежнымъ руководствомъ для ученыхъ его занятій.

Э. Курцъ.

Г. Рига.

П. В. Гидуляновъ, профессоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея (теперь—Московскаго Университета).—*Изъ исторіи развитія церковно-правительственной власти. Восточные патріархи въ періодъ четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ. Историко-юридическое изслѣдованіе.* Ярославль 1908. IV+778 стр.

Объемистая диссертация проф. Гидулянова состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ. Все обширное введеніе (стр. 1—193) посвящено Константину В. Оно распадается на пять отдѣловъ, гдѣ идетъ рѣчь объ обращеніи Константина въ христіанство (1—30), о его религіозной политикѣ (30—45), о положеніи его въ церкви (45—94), о его церковной дѣятельности (94—185) и о церковномъ устройствѣ при немъ (185—193).

Глава 1-я (194—296) заключаетъ въ себѣ шесть отдѣловъ и говоритъ о богатомъ церковными событіями правленіи Констанція: о взаимоотношеніи высшей іерархіи и сыновей Константина, о развитіи власти Римскаго епископа въ IV и V в., о церковной политикѣ и дѣятельности Констанція, объ устройствѣ церкви при немъ и о положеніи Константинопольскаго епископа при немъ и его отцѣ.

Глава 2-я (297—424) имѣетъ въ виду эпоху отъ Констанція до Θεодосія В. и распадается на восемь отдѣловъ. Здѣсь авторъ ведетъ рѣчь о вліяніи Юліана на образованіе партій и союзовъ епископовъ, о церковныхъ партіяхъ при Юліанѣ, Іовіанѣ, Валентиніанѣ и Валентѣ, о религіозной политикѣ Іовіана, Валентиніана и Валента, о развитіи высшей митрополичьей власти на Востокѣ, объ Александрійскомъ епископѣ въ IV и V в., о развитіи высшей церковно-правительственной власти въ діецезахъ восточномъ, понтійскомъ и азійскомъ.

Глава третья (424—557) изображаетъ императора Θεодосія В. и православное христіанское царство. Отдѣлъ первый рисуетъ идеаль системы церковно-государственныхъ отношеній и религіозную политику императоровъ IV и V в., отдѣлъ второй описываетъ церковную политику императоровъ Граціана и Θεодосія В; отдѣлъ третій говоритъ о развитіи церковно-правительственной власти на востокѣ и положеніи Константинопольскаго епископа при Θεодосіѣ.

Глава 4-я (558—760) изображаетъ эпоху Аркадія, Θεодосія II и Маркіана и заключаетъ въ себѣ девять отдѣловъ. Здѣсь идетъ рѣчь о церковной дѣятельности Златоуста и первой борьбѣ между Константинополемъ и Александріей, о церковной политикѣ Θεодосія Младшаго, о развитіи высшей церковно-правительственной власти епископовъ антиохійскаго, іерусалимскаго и александрійскаго, — о Несторіѣ и второй борьбѣ между Константинополемъ и Александріей, о церковномъ устройствѣ на Ефесскомъ соборѣ 431 г., о Константинопольскомъ епископѣ Проклѣ, о третьей и послѣдней борьбѣ Александріи и Константинополя изъ за первенства на Востокѣ и о торжествѣ Константинопольскаго епископа на Халкидонскомъ соборѣ.

Эти заголовки отдѣловъ даютъ неполное понятіе о содержаніи книги. Въ историко-каноническую раму проф. Гидуляновъ вправляетъ подробную исторію догмы и затрагиваетъ почти всѣ важнѣйшія церковно-историческія проблемы, которыя ставитъ себѣ изученіе этой эпохи. На протяженіи почти 800 страницъ разбросано множество отдѣльныхъ экскурсовъ и справокъ, занимающихъ такое же мѣсто въ каноникѣ, какое Понтійскій Пилатъ въ символѣ вѣры. Противъ такихъ отступленій можетъ быть предъявленъ однако только формальный отводъ: они нѣсколько заслоняютъ планъ изслѣдованія. По существу же дѣла всякая свѣжая научная справка изъ этой эпохи приковываетъ къ себѣ вниманіе и подавляетъ вопросъ о ея правѣ быть въ книгѣ.

Интересъ эпохи дѣлаетъ интересной и книгу.

Исторія времени первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ пересказана еще разъ съ новымъ часто освѣщеніемъ, съ использованием иногда результатовъ новѣйшихъ изслѣдованій. Пересказъ этотъ ведется въ направленіи и тонѣ, непривычныхъ для нашей церковно-исторической литературы. Авторъ обсуждаетъ всѣ вопросы такъ, какъ это сдѣлалъ бы свободный церковный историкъ за границей и какъ это совершенно недопустимо для бѣдствующихъ историковъ церкви въ нашихъ духовныхъ Академіяхъ. Эту особенность труда профессора Гидулянова я подчеркиваю и привѣтствую. Она дѣлаетъ его диссертацию явленіемъ новымъ и замѣтнымъ въ нашей литературѣ. Въ рѣчи о православныхъ дѣтеляхъ этой важной эпохи доселѣ дозволялось говорить только языкомъ помазаннымъ; допускалось рисовать только иконы, а не писать портреты. Проф. Гидуляновъ свободенъ отъ этой манеры. У него мы видимъ реальныхъ дѣтелей, а не мертвые изуродованныя копіи иконописнаго подлинника. Его рѣчи о Василіѣ В., Кириллѣ Александрійскомъ и др. будутъ рѣзать непривычное ухо нашей плохо просвѣщенной публики. Но въ этихъ рѣчахъ много правды, больше, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Стоитъ почитать отзывы Григорія Богослова о своемъ другѣ Василіѣ, Сократа, Несторія и др. о Кириллѣ, чтобы видѣть, что за характеристиками проф. Гидулянова стоятъ источники. И наоборотъ, о еретикѣ Несторіѣ онъ говоритъ въ розовомъ тонѣ, хотя допускался у насъ только черный. Даже больше: оказывается, Несторій осужденъ на третьемъ вселенскомъ соборѣ невинно: Несторій проповѣдывалъ взгляды, которые восторжествовали на 4-мъ вселенскомъ соборѣ. И работы, вышедшія въ свѣтъ уже послѣ появленія книги проф. Гидулянова, все болѣе подтверждаютъ этотъ сенсационный выводъ. (См. напр. J. F. Bethune-Baker, Nestorius and his Teaching — a fresh examination of the evidence. Cambridge, 1908).—Объ императорской церковной политикѣ проф. Гидуляновъ говоритъ такъ, какъ она того вполне заслуживаетъ и какъ не позволялось говорить о ней въ академическихъ диссертацияхъ. До какой степени велика тутъ разница, показываетъ слѣдующее сопоставленіе. Θεодосія II проф. Гидуляновъ характеризуетъ такъ: «слабоуміе, отсутствіе энергіи, безхарактерность и ханжество, преобладавшія въ Аркадіѣ, цѣликомъ были унаслѣдованы его сыномъ (Θεодосіемъ)». Между тѣмъ не такъ давно авторъ одной академической диссертациі по церковной исторіи за попытку назвать Θεодосія капризнымъ получилъ выговоръ отъ Св. Синода съ требованіемъ уничтожить фразу при второмъ изданіи книги.

То обстоятельство, что проф. Гидуляновъ пишетъ безъ Дамоклова меча надъ его перомъ, должно бы внушать довѣріе къ его книгѣ. И при бѣдности нашей литературы ее прежде всего приходится указать тому, кто желаетъ ознакомиться съ внѣшней исторіей эпохи первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ.

Затѣмъ диссертациа проф. Гидулянова отличается отъ многихъ на-

шихъ работъ по каноническому праву тѣмъ, что авторъ ея юристъ по образованію. Специальной юридической подготовки замѣнить ничѣмъ нельзя. Въ частности къ рѣшенію своей специальной задачи авторъ приступалъ съ подготовкой послѣ магистерской диссертациі о митрополи-тахъ въ первые три вѣка.

Что касается ученаго аппарата, который приводитъ въ движеніе проф. Гидуляновъ, то съ виду онъ производитъ внушительное впечатлѣніе. Въ области вопросовъ, связанныхъ съ специальной задачей изслѣдованія, онъ стремится привлечь лучшую литературу и старается опираться на источники. Если по нѣкоторымъ вопросамъ, особенно по исторіи догмы, онъ пользуется исключительно выводами авторитетовъ, то эти авторитеты выбраны изъ лучшихъ: по исторіи догматовъ напр. Гарнакъ и Loofs.

Большой блескъ авторъ придаетъ своей книгѣ справками изъ велико-лѣпной Real-Encyklopädie für protest. Theologie und Kirche. Третье изда-ніе этой энциклопедіи приближалось къ концу во время писанія диссер-тациі и давало автору справки идеальныя по свѣжести матеріала и ма-стерству его обработки. Тѣ, кто привыкъ только къ существующимъ на-шимъ работамъ по исторіи первыхъ четырехъ соборовъ, найдутъ въ ней поэтому много интересныхъ новинокъ.

Труднѣе отвѣтить на вопросъ, насколько диссертациа продвигаетъ впередъ рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ по сравненію съ Западной на-укой. Въ большей своей части она не претендуетъ на это. Вообще За-паду книга не даетъ почти ничего. Къ диссертациямъ *такого* рода, пови-димому, и нельзя предъявлять требованія на открытія и находки.

Признавая интересъ книги проф. Гидулянова, я однако не думаю подписываться подъ всѣми ея выводами и отдѣльными экскурсами. На-оборотъ, трудно назвать главу, противъ которой нельзя было бы предъ-явить возраженій. Мѣсто не позволяетъ мнѣ вдаваться въ обширный разборъ. Я ограничусь только нѣсколькими набросками.

По ходу работы проф. Гидулянову приходится дѣлать серьезныя справки въ исторіи догматическихъ споровъ IV и V вв. Безъ этихъ спра-вокъ нельзя приступать къ рѣшенію основныхъ вопросовъ его темы. Та-кія справки онъ беретъ преимущественно у первоклассныхъ работниковъ по исторіи догмы—Гарнака и Лоофса. По существу ничего противъ этого имѣть нельзя. Но самая манера пользоваться выводами специали-стовъ не можетъ вызывать сочувствія. Не очень опытный читатель книги проф. Гидулянова можетъ вынести впечатлѣніе, что колоссальныя дог-матическія распри IV и V вв. были дѣломъ отдѣльныхъ интригановъ-іе-рарховъ, спорившихъ за власть. На основаніи всего того, что говорится въ книгѣ о догматическихъ спорахъ, совершенно невозможно опредѣлить, почему въ то или иное время выдвигалась впередъ та или иная партія. Логика идей и сотеріологическіе интересы большинства вѣрующей массы не продвинуты на настоящее мѣсто. Схвачена большею частію только внѣшняя исторія богословскихъ партій, показаны ихъ знамена, но не про-

слѣжены основные мотивы грандіозной борьбы. Конечно, проф. Гидуляновъ отмѣчаетъ постоянно осязательные поводы къ столкновеніямъ въ видѣ личныхъ стремленій епископовъ къ власти. Но развѣ это главное и единственное? Такъ могъ смотрѣть на дѣло Гиббонъ, но такъ теперь не смотря на дѣло большіе историки. Манера почти все объясненіе сводить къ личному честолюбію историческихъ дѣятелей теперь вызываетъ просто порицаніе. (См. кн. Эйкена. Исторія и система средневѣкового міросозерпанія. Пер. съ предисл. проф. Гревса. Введеніе стр. XXXIII). При высокому уровнѣ развитія вѣрующей массы на Востокѣ дѣятели церкви нерѣдко вынуждались идти за паствой, а не вести ее. Разительный примѣръ этого представляетъ перемѣна позиціи Θεοφιλομъ Александрійскимъ, отмѣченная у проф. Гидулянова. При изложеніи исторіи борьбы Θεοφιλα съ Іоанномъ Златоустомъ проф. Гидуляновъ даже не ставитъ вопроса о вліяніи на эту борьбу оригенистическихъ споровъ, какъ таковыхъ. Главную роль играетъ Θεοφιλη. При такихъ условіяхъ объясненіе напр. столкновенія Іеронима съ Руфиномъ становится не возможнымъ. Въ концѣ концовъ эта манера не можетъ не вести къ путаницѣ. Если выдерживать основную точку зрѣнія автора, то какъ напр. объяснить поведеніе Аѳанасія? На стр. 362 онъ говоритъ: «самъ Аѳанасій боролся не изъ-за текущихъ интересовъ, но единственно изъ-за идеи. Въ самомъ дѣлѣ это было бы свыше человѣческихъ силъ преслѣдовать мысль объ юрисдикціонномъ или фактическомъ приматѣ надъ церквами въ то время, когда надо было самому думать о самозащитѣ и въ пустынѣ спасать свою жизнь». Но развѣ одинъ Аѳанасій былъ въ такомъ положеніи? Да и что значитъ это *изъ-за идеи*? Можно опасаться, что такой отвѣтъ не все скажетъ читателю, что сказать ему нужно. Теперь мы имѣемъ право говорить яснѣе, опредѣленнѣе, чѣмъ это дѣлалось раньше. Аѳанасіемъ и не имъ однимъ движетъ не отвлеченный, теоретическій интересъ, а жгучій, практический интересъ спасенія. Аѳанасій и люди его эпохи хотятъ ни болѣе, ни менѣе, какъ *θεοπορευθησι* — обожиться. Для нихъ Іисусъ Арія—смертный приговоръ. «Я не могу поклоняться твари, имѣя повелѣніе стать богомъ», говоритъ при одномъ случаѣ Василиій В. И во всѣхъ спорахъ IV в. этотъ интересъ могущественно посылаетъ впередъ бойцовъ: люди теряютъ каѳедры, отправляются въ ссылки, подвергаются травлѣ.

Если бы проф. Гидуляновъ обратилъ свое вниманіе на эту сторону дѣла, то онъ меньше занимался бы лицами и избавилъ бы себя отъ необходимости становиться въ положеніе моралиста, одобряющаго и порицающаго, сохраняя все спокойствіе историка. На стр. 354 авторъ прилагаетъ къ самому Василию его слова о епископахъ: «прикрывая частныя свои вражды, выставляютъ на видъ, что враждуютъ за благочестіе».

Характеръ Василия хорошо извѣстенъ. Даже отъ сочиненій его лучшаго друга на него падаютъ черныя тѣни. Но чтобы Василиій борьбой за дѣло прикрывалъ свои личные расчеты, съ этимъ не согласится ни

одинъ спокойный историкъ, изучавшій эту эпоху и работу Василия. Проф. Гидуляновъ останавливается подробно на отношеніяхъ Василия къ Евстаѳію Севастійскому и приходитъ къ заключенію, что Василій разсорился съ своимъ прежнимъ другомъ изъ-за политическихъ соображеній: онъ незаконно вторгается въ округъ Евстаѳіа. Но даже изъ того, что рассказано на стр. 351, видно, что мотивъ, отстраняемый проф. Гидуляновымъ, не имѣлъ значенія. Василій ѣдетъ на соборъ въ округъ Евстаѳіа по приглашенію зависимаго отъ Евстаѳіа епископа Θεодота. Это, повидимому, должно было возмутить Евстаѳіа, но этого нѣтъ: онъ встрѣчается съ Василиемъ на пути и ведетъ съ нимъ дружескую бесѣду, за что Θεодотъ подвергаетъ Василия издѣвательству. Евстаѳій зналъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ Василій и, очевидно, не боялся ограбленія, къ чему однако сводить все объясненіе проф. Гидуляновъ. Loofs, авторъ монографіи о Евстаѳіѣ, столь авторитетный для проф. Гидулянова, на этотъ разъ отказываетъ ему въ поддержкѣ¹⁾. Отсюда проф. Гидуляновъ дѣлаетъ собственный экскурсъ на стр. 349—350 съ цѣлью уличить Василия въ черныхъ поползновеніяхъ. Этотъ экскурсъ представляется по меньшей мѣрѣ рискованнымъ. Опираясь на голыя и произвольныя соображенія, проф. Гидуляновъ фразу Василия «добрые сіи люди (въ томъ числѣ и Евстаѳій) подумали, что общеніе со мною служитъ для нихъ препятствіемъ къ пріобрѣтенію власти», такъ какъ «у нихъ заведено всегда принимать сторону сильныхъ и немощныхъ друзей поирать, а тѣмъ, которые взяли верхъ, услуживать» — передаетъ въ своемъ толкованіи такъ: добрые сіи люди подумали, что общеніе съ Василиемъ служитъ для нихъ поводомъ къ потерѣ власти — самостоятельности. — Конечно, такія операціи надъ источниками могутъ быть остроумными и забавными, но ихъ нельзя назвать научными. Василій, укоряя Евстаѳіа, м. б., и не совсѣмъ справедливо, разумѣетъ его близость къ придворнымъ сферамъ. Евстаѳій вообще представлялъ собою мягкотѣлую фигуру: онъ подписалъ Никскую формулу; онъ любилъ путь спокойной середины и сторонился боевыхъ положеній. Онъ застылъ на одномъ мѣстѣ въ то время, какъ жизнь гнала впередъ, и становился обузой для Василия и его дѣла. Василій протягиваетъ руку Мелетію, врагу Евстаѳіа: это было естественно: Мелетій велъ себя геройски и становился его сподвижникомъ. Въ частности по вопросу о Духѣ Св. Василій В. безспорно шелъ впередъ. Его лучший и умнѣйшій другъ Григорій былъ горячимъ защитникомъ единосущія Духа съ Отцемъ и неотразимо вліялъ на него. Но сказать, что «Василій съ этого времени (ссоры съ Евстаѳіемъ) дѣлаетъ удареніе на омоузіа Св. Духа и противопоставляетъ безбожности Евстаѳіа», значитъ упрощать объясненіе факта до его искаженія. — «Василій круто поворачиваетъ направо. Изобразивъ

1) Взглядъ Loofs'a на причины размовки Василия съ Евстаѳіемъ, осторожный и продуманный, ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться поколебленнымъ. См. Eustathius von Sebaste... S. 67—70.

крайнія бѣдствія восточной церкви, Василій въ цѣломъ рядѣ посланій обращается къ правителямъ Запада и ищетъ тѣснаго сближенія съ Римомъ».

Здѣсь все вызываетъ недоумѣніе. Василій отворачивается отъ Евстаѳіа и именно съ этого времени дѣлаетъ удареніе на омоузій Духа. Что этимъ говорится? Ссора съ Евстаѳіемъ сбила Василя съ привычной догматической позиціи и заставила переимѣниться на другую, чтобы досадить своему бывшему другу? Но у Василя было столько столкновений, что если бы каждое изъ нихъ бросало его на новыя позиціи, то мы имѣли бы предъ собой догматическій флюгеръ, а не Василя.—И главное, такое обвиненіе совершенно недоказано и противорѣчить всему, что мы знаемъ о Василя. Василій «дѣлаетъ удареніе на омоузій Духа» не съ 373 г., а уже въ 360 году. (См. письмо 8-е къ Кесарійскимъ монахамъ. Рус. пер. ч. 6, стр. 35 и 36).

Загѣмъ «Василій круто поворачиваетъ направо,—обращается къ правительству Запада и ищетъ тѣснаго сближенія съ Римомъ». Прежде всего дѣленіе *направо* и *налѣво* весьма условно. Предполагается, что Евстаѳій остался *налѣво*. Но вѣдь этотъ Евстаѳій ѣздилъ ко двору послѣ Селевкійскаго собора и подписалъ угодную двору Никскую двусмысленную формулу; онъ ѣздилъ и въ Римъ къ папѣ. Это тоже поворотъ направо?

Но тогда куда же помѣстить Василя?

Сказавъ объ обращеніи Василя въ Римъ, проф. Гидуляновъ обрываетъ изложеніе. Выходитъ, какъ будто Василій пытался завязать сношенія съ Римомъ въ личныхъ интересахъ. Замѣтка на стр. 306 подтверждаетъ такое впечатлѣніе. Ну, а Евстаѳій? Онъ тоже ѣздилъ въ Римъ за помощію противъ соперниковъ?

Точка зрѣнія на дѣло, какой проф. Гидуляновъ держится въ рѣчи о Василя, при послѣдовательномъ ея проведеніи неизбежно даетъ въ результатѣ сплетню, а не научное объясненіе и заводитъ въ тупикъ. Толкованіе закона причинности принимаетъ совершенно комическую форму.

Совершенно также поступаетъ проф. Гидуляновъ при оцѣнкѣ дѣятелей арианства. Онъ очень подробно описываетъ обстановку выступленія Арія, но онъ мало говоритъ намъ о томъ, почему арианство имѣло такой загадочный успѣхъ. Извѣстная книга Gwatkin'a — *Studies of Arianism*—это талантливѣйшее изслѣдованіе—не сказала ему ничего. А она могла сказать ему, почему арианство просочилось до самаго дна христіанскаго общества, развило такую колоссальную силу сопротивленія и такъ упорно держалось въ исторіи.

Правда, авторъ пытается выбиться на правильный путь и понять арианство, какъ продолженіе раннѣйшаго догматическаго движенія. Но тутъ ресурсы его оказываются довольно слабыми. Попытка эта дана на стр. 99—107. Справка ограничивается Тертулліаномъ для Запада и Оригеномъ для Востока. Сдѣлана она крайне сжато, конспективно и не со-

всѣмъ ясно. Зависитъ это оттого, что справка представляетъ собою буквальный переводъ стр. 8—11 изъ Real-Encyclopädie für Protest. Theologie und Kirche, B. 2, 3 Aufl., отрывка изъ статьи Loofs'a Arianismus. Авторъ, конечно, ставитъ указанія въ нѣсколькихъ мѣстахъ на эту статью, но такъ, что я сначала не предполагалъ, что онъ даетъ только переводъ нѣсколькихъ страницъ подрядъ. Такой способъ цитации я встрѣчаю впервые и считаю его недопустимымъ. Читатель, не имѣющій подъ руками тома энциклопедіи, вводится въ заблужденіе, что весь подстрочный солидный аппаратъ принадлежитъ проф. Гидулянову, а не Loofs'у.

Но это между прочимъ. Гораздо интереснѣе самая справка—переводъ. Loofs пишетъ вообще не легко. А въ статьѣ для энциклопедіи онъ былъ обязанъ дать самый сжатый конспектъ. Именно поэтому статья Loofs'a всего менѣе могла отвѣчать нуждѣ проф. Гидулянова. Пользоваться ею, переводить ее нужно было съ большою осторожностью и искусствомъ, чтобы въ этой миниатюрѣ не сдѣлать искаженій, и притомъ съ хорошимъ предварительнымъ знаніемъ системы, которая конспектируется. Этой осторожности мы однако не видимъ. Я позволю себѣ сдѣлать слѣдующую выписку изъ перевода на стр. 102. «Двойственность Оригеновыхъ понятій Логоса была возможна лишь настолько, насколько ученіе о Логосѣ являлось интегральной частью въ его динамо-эманатистической конструкціи вѣчнаго нематеріальнаго міра. Пало ученіе о вѣчности созданнаго Богомъ нематеріальнаго міра—должно было пасть и Оригеново ученіе о Логосѣ. *Какъ вѣчность Логоса не могла держаться насчетъ его гипостатической самостоятельности, такъ и эта на счетъ того* (курсивъ нашъ). Въ первомъ случаѣ Логосъ долженъ былъ рѣшительнѣе, чѣмъ это было у Оригена, соединиться съ Богомъ, въ чемъ лежала опасность поворота на модалистически-монархіанскую дорогу, но также и открывалась возможность вліянія, связаннаго съ религіозно-модалистическими или наивно-модалистическими представленіями, спиритуалистически отброшеннаго Оригеномъ ученія объ искупленіи, которое выступало у Иринея и другихъ малоазіатовъ II вѣка, того ученія объ искупленіи, основною мыслью котораго было то, что чрезъ явленіе божественной жизни во Христѣ была восстановлена безгрѣшность (ἀφάρσια) во впавшемъ во грѣхъ (φθορά) человѣчествѣ. Во второмъ случаѣ Логосъ болѣе, чѣмъ желалъ Оригенъ, склонялся на сторону міра, твореній, τῶν κτισμάτων». Какъ видно, переводъ частью тяжель, частью непонятенъ, частью совсѣмъ невѣренъ. Подчеркнутыя нами слова являются передачей слѣдующей фразы подлинника: Dann konnte entweder die Ewigkeit des Logos auf Kosten der hypostatischen Selbstständigkeit desselben, oder diese auf Kosten jener festgehalten werden. Разница доходитъ до противоположности: вѣчность Логоса можно было отстаивать только въ ущербъ его ипостасному бытію, а настаивать на послѣднемъ можно было только въ ущербъ его вѣчности. Вотъ мысль Loofs'a. Такъ какъ слѣдующія фразы являются у Loofs'a развитіемъ этого положенія и такъ какъ это положеніе проф. Гидуляновымъ совершенно иска-

жено, то и весь послѣдующій переводъ его въ приведенной выдержкѣ, самъ по себѣ правильный, перестаетъ быть понятнымъ. Это не все. Проф. Гидуляновъ переводитъ ἀφθαρσία словомъ безгрѣшность, а φθώρα—грѣхъ. У Loofs'a эти термины оставлены безъ перевода. Тоже надо было сдѣлать и проф. Гидулянову. 'Αφθαρσία есть чрезвычайно важное понятие въ богословіи Иринея и Аθανасія; оно имѣетъ очень сложное значеніе и во всякомъ случаѣ не то, какое даетъ ему проф. Гидуляновъ. Я не могу здѣсь за недостаткомъ мѣста входить въ подробности и отсылаю къ монографіи Bornhäuser, Die Vergottungslehre des Athanasius und Johannes Damascenus, Güterloh 1903, особ. стр. 43 и д., а также къ очеркамъ проф. Попова: «Религіозный идеалъ Аθανасія», Сергіевъ Посадъ 1904 г. Благодаря такому переводу ἀφθαρσία, утрачивается мысль, которую хочется подчеркнуть въ своемъ конспектѣ Loofs.

Все въ той же справкѣ изъ Loofs'a при изложеніи ученія Арія (стр. 105), проф. Гидуляновъ, не ставя ковычекъ, переводитъ: по мнѣнію Арія «предсуществующій Сынъ Божій (υἱὸς θεοῦ), который, какъ таковой, не нерожденъ (ἀγέννητος), переходитъ вполнѣ на сторону созданий (κτίσματα). Онъ происходитъ не эманатистически отъ Бога, но призванъ къ бытію волею Бога — изъ ничего, что уже одно рѣшаетъ вопросъ о его божественности (курсивъ вездѣ мой). Затѣмъ, конечно, прежде всего время: онъ сопутникъ творенію: «волею Божіею онъ явился прежде времени и вѣка, чтобы Богъ посредствомъ Его создалъ насъ». Въ подлинникѣ мы читаемъ: der präexistente υἱὸς θεοῦ, der als solcher nicht ἀγέννητος ist, ganz auf die Seite der κτίσματα entfällt: er ist nicht (emanatistisch) aus Gott hervorgegangen, sondern durch Gottes Willen ins Dasein gerufen — aus dem Nichts, das allein neben Gott in Frage kommt. Freilich vor aller Zeit; ist er doch der Mittler der Schöpfung: θελήματι τοῦ πατρὸς... ὑπέστη πρὸ χρόνων καὶ αἰώνων, ἵνα ὁ θεὸς ἡμᾶς δι' αὐτοῦ δημιουργήσῃ.—Präexistente лучше передать—предвѣчно существующій. Перевести das allein neben Gott in Frage kommt «что одно уже рѣшаетъ вопросъ о его божественности»—значитъ обращаться слишкомъ безцеремонно съ подлинникомъ. Дальнѣйшія подчеркнутыя слова слѣдуетъ перевести такъ: «конечно, прежде всякаго времени (т. е. призванъ къ бытію); вѣдъ онъ посредникъ творенія: «по волѣ Божіей онъ явился до времени и предвѣчно, чтобы Богъ чрезъ Него сотворилъ насъ». Особенно обращаетъ здѣсь на себя вниманіе передача проф. Гидуляновымъ Mittler der Schöpfung — «сопутникъ творенію». Der Mittler — роль постоянно отводимая Логосу въ философіи Стоиковъ, у Филона, у Иустина и другихъ отцовъ церкви; не знать это недопустимо. Въ концѣ концовъ ученіе Оригена и Арія для читателя книги проф. Гидулянова остается по меньшей мѣрѣ недопонятымъ.

И трудно понять, зачѣмъ потребовалось все это приключеніе. Объ Оригенѣ у насъ имѣется превосходная диссертация Болотова. Если бы проф. Гидуляновъ использовалъ ее, то мы видѣли бы въ его книгѣ отчет-

ливое представлєніе системы Оригена и вліянія ея на послѣдующіе богословскіе споры. Да и ученіе Арія было бы изложено рельефнѣе.

При такомъ недостаточно внимательномъ отношеніи къ содержанію спорныхъ догматическихъ вопросовъ проф. Гидулянову, конечно, трудно судить по настоящему о вліяніи ихъ на борьбу IV в. Онъ поневолѣ ищетъ объясненія событій преимущественно въ личныхъ отношеніяхъ главныхъ дѣятелей эпохи.

Къ сожалѣнію рассказанный случай неосторожнаго обращенія съ исторіей догмы въ книгѣ проф. Гидулянова не является исключеніемъ. Цѣлый отдѣлъ напр. подъ заглавіемъ «Несторій и вторая борьба между Константинополемъ и Александріей изъ-за первенства на востокѣ» стр. 623—658, за исключеніемъ небольшихъ и большею частію незначительныхъ вставокъ и прибавленій, представляетъ собою почти дословный переводъ статьи Loofs'a изъ RE³ — s. v. Nestorius. Выборъ руководителя безусловно хорошъ: Loofs—лучшій знатокъ Несторіанства. Но рядомъ съ этимъ желательно бы видѣть и аккуратность перевода, и оговорку, что отдѣлъ главы опирается на Loofs'a не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на него сдѣланы ссылки, но и тамъ, гдѣ этихъ ссылокъ нѣтъ. Читатель, не имѣющій подъ руками статьи Loofs'a, можемъ считать почти всѣ очень сложныя цитаты отдѣла изъ источниковъ принадлежащими проф. Гидулянову. А между тѣмъ онѣ почти всѣ принадлежатъ Loofs'у и, какъ будетъ сейчасъ показано, къ сожалѣнію не всегда даже провѣрялись переводчикомъ.

Въ началѣ отдѣла, стр. 625, проф. Гидуляновъ говоритъ: «Несторій согласился не сразу (занять кафедру въ Константинополѣ). Даже по враждебнымъ ему источникамъ этому предшествовало чрезвычайное приглашеніе. (Caelest. ep. Mansi IV, 1026). Такой чести онъ обязанъ единственно своему краснорѣчію. Народъ надѣялся найти въ немъ второго Златоуста» (Cassian. VII, 30,2). Справляемся въ письмѣ Целестина и не видимъ тамъ указаній на чрезвычайное приглашеніе. Здѣсь говорится только слѣдующее: «сослужители наши въ одобреніе тебя столько говорили, сколь можно было говорить о чловѣкѣ, который избранъ изъ другой церкви. Ибо *прежде сего слава* о твоей жизни была такова, что твоимъ достоинствамъ завидовалъ сторонній городъ». (Дѣян. всел. соб. въ рус. пер. т. I, изд. 2, стр. 154). Любопытно, что совершенно таже цитата на Целестина проставлена у Loofs'a, но для подтвержденія нѣсколько иной мысли. Вообще у Loofs'a соответствующее мѣсто читается такъ: Ein aussergewöhnlicher Ruf ging diesem Manne (Несторію) selbst nach den Aussagen der ihm feindlichen Quellen voraus (Vincent. comm. II al. 16; Caelestin ep. Jaffe № 374 = Mansi IV, 1026C; Gennadii de vir. ill. 53). Vornehmlich galt er an seiner Kanzelberedsamkeit; das Volk hoffte deshalb in Nestorius einen zweiten Chrysostomus zu erhalten (Cassian 7, 30,2). Во всѣхъ другихъ источникахъ, на которые ссылается Loofs, по моей справкѣ, также нѣтъ рѣчи о чрезвычайномъ приглашеніи: Геннадій называетъ

Несторія presbyter insignis in docendo и говоритъ, что Constantinopolitanae ecclesiae pontificatui donatus est за свое eloquentia и abstinentia; Винценцій говоритъ, что онъ «былъ славенъ», былъ «избранъ по рѣшенію верховной власти», «пользовался большою любовью святыхъ и величайшимъ уваженіемъ народа». Вотъ и все. Ни о какомъ «чрезвычайномъ приглашеніи» нѣтъ рѣчи. Можно опасаться, что проф. Гидуляновъ этимъ выраженіемъ передалъ слова Loofs'a — ein aussergewöhnlicher Ruf. Но Ruf значитъ не только *приглашеніе*, но и *слава*. Получается «необычайная слава, молва» — именно то, о чемъ говорятъ источники и что хочетъ сказать Loofs. Сдѣлавъ неточный переводъ, проф. Гидуляновъ естественно роняетъ утверждение: «Несторій согласился не сразу». Объ этомъ источники молчатъ — по крайней мѣрѣ тѣ источники, цитаты изъ которыхъ проставлены. Такъ иногда пускаются въ обращеніе легенды.

Но это между прочимъ. Хуже дѣло обстоитъ при изложеніи ученія Несторія. Тутъ требовалась бдительность, но ее мы не всегда находимъ. И мысли источниковъ и изложеніе Loofs'a передаются подчасъ невѣрно: такъ что судить о доктринѣ Несторія по книгѣ проф. Гидулянова нужно съ опаской.

На стр. 628 проф. Гидуляновъ пишетъ:

Несторій сурово ополчился противъ Θεοτόκος. «Имѣеть-ли Богъ Матерь? Свободный елминъ приписываетъ матеръ богамъ. Нѣтъ, любезнѣйшій, Марія не родила Бога... , но она родила человѣка, θεότητος ὄργανον». Отсюда было недалеко до признанія Христа простымъ чело-вѣкомъ. Между тѣмъ интересъ не уменьшаетъ божество Иисуса какъ разъ являлся причиною для его возраженія: non peperit creatura increabilem...., non creavit deum verbum Spiritus Sanctus, говоритъ Несторій уже въ первой проповѣди. Позднѣе хумилелей Богородицы — Θεοτόκος причислили къ арианамъ, между тѣмъ по мнѣнію Несторія: «пустое говорятъ, когда по отношенію къ Богу Отцу, который старше, признаютъ Бога-Слова младшимъ. Они производятъ Его въ послѣдующія времена отъ Маріи, и Богу, создателю вре-

У Loofs'a это мѣсто читается такъ:

Nestorius erklärte sich scharf gegen das Θεοτόκος. Habet matrem Deus? Ανέγκλητος Ἑλλην μητέρα θεοῖς ἐπιειάγων.... Οὐκ ἔτεχε, ὃ βέλτιστε, Μαρία τὴν θεότητα...., ἀλλ' ἔτεχεν ἄνθρωπον θεότητος ὄργανον. Christum damit zu einem blossen Menschen zu machen, fiel ihm nicht von ferne ein; gerade das Interesse, die Gottheit Christi nicht minderwertig erscheinen zu lassen, ist ein Motiv für seinen Widerspruch: Non peperit creatura increabilem...., non creavit deum verbum Spiritus Sanctus, sagte schon die erste Predigt. Eine wenig spätere stellte die Verfechter des Θεοτόκος den Arianen zur Seite; denn diese θεότητος μείζονος τὸν θεὸν λόγον ληροῦσι νεώτερον, — οὗτοι δὲ αὐτὸν τῆς μακαρίας Μαρίας ἐργάζονται δεύτερον καὶ μητέρα χρονικὴν τῇ δημιουργίᾳ τῶν χρόνων ἐφιστῶσι θεότητι. Den zweiten Anstoss erregt

мень, даютъ мать, жившую во времени». *Вторымъ упрекомъ ставилась хула его на Марію, что легко связывалось съ понятіемъ Θεοτόκος: «употребляя слово Богородица, мы не уравниваемъ Дѣву съ Богомъ».* (Курсивъ вездѣ нашъ).

dem Nestorius die Mariolatric, die sich an das Θεοτόκος gar leicht anknüpfte: τὴν Θεοτόκον τῶ Θεῷ μὴ συνθεολογοῦμεν παρθέρον.

Въ этомъ переводѣ вѣрно почти только то, что оставлено безъ перевода. Достаточно самаго бѣглаго сравненія, чтобы убѣдиться въ этомъ. Отдѣльные термины и цѣлыя фразы въ переводѣ получили смыслъ обратный тому, какой они имѣютъ у Loofs'a. Подлинникъ ясенъ, переводъ сбивчивъ и противорѣчивъ. Не останавливаясь на обсужденіи частностей, я просто предложу свой переводъ, который и прошу сопоставить съ выписаннымъ выше.

«Несторій рѣзко высказался противъ Θεοτόκος. «Развѣ Богъ имѣетъ мать? . . . Въ такомъ случаѣ правъ еллинъ, приписывая богамъ мать. Нѣтъ, любезнѣйшій, Марія родила не божество, а человѣка — органъ божества». *Превращать Христа въ простаго чѣловѣка не приходило ему даже въ голову; (наоборотъ) именно стремленіе не допустить умаленія божества Христа является побужденіемъ для него начать споръ: Non reperit creatura increabilem . . . , non creavit deum verbum Spiritus Sanctus, говоритъ уже первая его проповѣдь. Сказанная позднѣе проповѣдь защитниковъ Θεοτόκος ставила рядомъ съ аріанами; ибо послѣдніе (т. е. аріане) пустословили, что Богъ Слово является младшимъ по времени въ отношеніи къ старшему; а первые (т. е. сторонники Θεοτόκος) дѣлаютъ его младшимъ по времени блаженной Маріи и Богу, Творцу времени, даютъ мать, подвластную времени».* — *Вторымъ преткновеніемъ для Несторія была Мариолатрія, которая совершенно естественно была связана съ Θεοτόκος: «Дѣву Богопріимцу не будемъ уравнивать съ Богомъ».*

Курсивомъ напечатаны фразы въ переводѣ проф. Гидулянова и моемъ, требующія внимательнаго сопоставленія. Изъ нихъ совершенно ясно, что подлинныя мысли Несторія и Loofs'a для читателя книги проф. Гидулянова должны остаться недоступными. «Защитники Θεοτόκος» (Verfechter) превратились въ «хулителей Богородицы», «соблазвъ, преткновение — Anstoss» въ «упрекъ» и т. д.

На стр. 630 проф. Гидуляновъ даетъ такой переводъ мѣста изъ статьи Loofs'a (RE³ В. 13, S. 740, 47—60—741,1), что я при всемъ желаніи понять его не могъ этого сдѣлать. Ходъ мыслей для меня сталъ ясенъ только при чтеніи подлинника.

На стр. 632 читаемъ: «Христологія Несторія, пишетъ Лоофсъ, покоится на древнемъ представленіи объ историческомъ Христѣ, что было фундаментомъ западной христологіи. Если между этими словами и общей христологіей Несторія съ одной стороны, и основными ученіями позднѣйшей

ортодоксіи съ другой существуетъ различіе, то, по мнѣнію Лоофса, оно вытекаетъ» и т. д. . . . Что такое *эти слова*? Отвѣтъ находимъ въ подлинникѣ: Seine (Nestorius) Christologie ruht auf der uralten doppelten Beurteilung des geschichtlichen Christus, die auch das Fundament der abendländischen Christologie war: ὁμολογοῦμεν τὸν ἐν ἀνδρώπῳ θεόν, σέβομεν τὸν τῆ θεῖα συναφείᾳ τῷ παντοκράτορι θεῷ συμπροσκυνούμενον ἄνθρωπον. Was an diesen Worten und an der gesamten Christologie des Nestorius vom Standpunkte der späteren Orthodoxie aus anstößig erscheinen kann, entspringt. . . . Какъ видно, проф. Гидуляновъ выбросилъ слова Несторія, а потомъ сталъ на нихъ ссылаться. Неизбѣжно въ дальнѣйшемъ онъ начинаетъ мысли Loofs'a коверкать до неузнаваемости. Фразу, слѣдующую за греческой выдержкой, надо перевести не такъ, какъ это мы видимъ у проф. Гидулянова, а приблизительно такъ: «то, что въ этихъ словахъ, а также вообще въ христологіи Несторія могло казаться соблазнительнымъ съ точки зрѣнія позднѣйшей ортодоксіи, вытекаетъ» и т. д.

Разсказывая о выступленіи противъ Несторія константинопольскихъ противниковъ—Филиппа и Прокла, проф. Гидуляновъ пишетъ (стр. 633):

«Проклъ лично ближе стоялъ къ Несторію. Лучшимъ доказательствомъ этого является, по мнѣнію Лоофса, сказанная имъ «въ присутствіи Несторія въ большой Константинопольской церкви» проповѣдь по поводу праздника въ честь Маріи. Указывая на нѣсколько разъ рядомъ стоящія единеніе и общеніе, Проклъ доказывалъ правильность употребленія слова θεοτόκος на томъ основаніи, что Логосъ образовалъ въ Маріи свой храмъ. Фактически эта проповѣдь была направлена противъ Несторія, полемизировавшаго противъ θεοτόκος. Отсюда въ непосредственно слѣдовавшей за нею проповѣди Несторій попытался ослабить аргументы Прокла».

У Loofs'a соотвѣтствующее мѣсто читается такъ:

«Proklus muss persönlich dem Nestorius näher gestanden haben: er hat — wohl noch 429 — «in Gegenwart des Nestorius in der grossen Kirche zu Konstantinopel» an einem Marienfeste gepredigt. Diese Predigt steht auch theologisch dem Nestorius nicht so fern, wie zumeist angenommen wird (vgl. neben dem mehrfach vorkommenden ἐνωσις die συναφεία und die Rechtfertigung des θεοτόκος durch den Hinweiss darauf, dass der Logos seinen Tempel in der Maria sich gebildet habe). Dennoch ist die Predigt eine factisch gegen Nestorius polemisierende Rechtfertigung des θεοτόκος; Nestorius hat auch im unmittelbaren Anschluss an diese Rede in einer Predigt ihre Ausführungen zu berichtigen gesucht».

Какъ видно, проф. Гидуляновъ въ общемъ смыслъ мѣста искажаетъ до неузнаваемости, хотя, очевидно, это переводъ. Не могу не выразить здѣсь своего крайняго изумленія. Я хотѣлъ бы думать, что это не переводъ изъ Loofs'a, а собственная неудачная справка, всегда возможная.

Но предательское тожество цитатъ изъ источниковъ для даннаго мѣста у обоихъ авторовъ устраняетъ это предположеніе.

Безспорно, авторъ далеко не всегда читалъ документы, цитаты на которые ставитъ. Въ данномъ случаѣ прочитай онъ проповѣдь Прокла, которая есть вѣдь даже въ русскомъ переводѣ (Дѣян. Всел. Соб. т. I, стр. 127 и сл. изд. 2), мы не видѣли бы вмѣсто перевода невообразимой путаницы. Что это значитъ: «указывая на нѣсколько разъ рядомъ стоящія единеніе (ἕνωσις) и общеніе (συνάφεια)»? ἕνωσις, какъ извѣстно, было обычнымъ терминомъ для опредѣленія отношенія двухъ естествъ во-Христѣ. Συνάφεια на мѣсто ἕνωσις выдвигалось Несторіемъ, Θεодоромъ Монуэетскимъ и др. Loofs хочетъ подчеркнуть, что Проклъ шелъ примирительнымъ путемъ, употребляя эти термины рядомъ. «Указываетъ» на ихъ употребленіе не Проклъ, а Loofs у Прокла. Проклъ ихъ не указываетъ, а употребляетъ. — И дальше слова: «Проклъ доказывалъ правильность употребленія слова Θεοτόκος на томъ основаніи, что Логосъ образовалъ въ Маріи свой храмъ» — какъ будто предназначаются для того, чтобы подчеркнуть пунктъ расхожденія Прокла съ Несторіемъ. А на самомъ дѣлѣ Loofs видитъ и въ этомъ пунктѣ единенія между ними, что и понятно: Несторій очень часто употреблялъ это выраженіе. См. его письма въ I т. Дѣян. Всел. Соб. изд. 2.

И на этотъ разъ, какъ и въ случаѣ съ Оригеномъ, я долженъ придти къ заключенію, что доктрина Несторія, а равно и догматическая позиція его противниковъ проф. Гидулянову не представляются ясно. Только при такомъ предположеніи возможно объяснить странныя ошибки въ переводѣ статьи Loofs'a. А если такъ, то надо признать, что и судить о роли богословскихъ интересовъ въ событіяхъ около 431 года ему было трудно. Отсюда онъ неизбежно долженъ былъ искать разгадки этихъ событій только въ личныхъ столкновеніяхъ и честолюбивыхъ притязаніяхъ іерарховъ Константинополя, Александріи и Рима. Правда, въ данномъ случаѣ проф. Гидуляновъ опирается на Loofs'a. Но мнѣ думается, что надлежащая оцѣнка догматическихъ движеній могла бы вывести его на иной путь. Loofs безспорно хорошій ученый, но нѣсколько односторонній: благодаря специальности патролога, отдающаго все свое вниманіе изученію судьбы отдѣльныхъ лицъ и анализу ихъ воззрѣній, онъ въ значительной степени утратилъ способность учитывать работу историческихъ факторовъ, дѣйствующихъ позади индивидовъ. Въ этомъ отношеніи онъ безконечно далеко стоитъ отъ своего великаго учителя Гарнака. Полагаясь на Loofs'a, проф. Гидуляновъ дѣлаетъ несомнѣнный прочетъ. Описывая обстановку собора 431 г., онъ говоритъ, что на защиту Кирилла поднялось все населеніе Ефеса съ епископомъ Мемнономъ во главѣ. Объясняется это будто бы тѣмъ, что въ Ефесѣ былъ храмъ въ честь Богородицы, куда стекалось много богомольцевъ. Марія была нитательницей города. Пусть будетъ такъ, хотя Ефесъ, богатѣйшій торговый городъ Малой Азіи, едва-ли до такой степени могъ быть заинтересованъ паломниками. Но чѣмъ объяснить «форменный бунтъ» въ Кон-

стантинополѣ? Не могутъ же имѣть серьезнаго значенія разсужденія изложенныя авторомъ на стр. 653. Кириллъ дѣйствовалъ чрезъ агентовъ, но поднять весь городъ, сидя подѣ стражей, сдѣлать жалкимъ положеніе императора—это едва-ли и ему было подѣ силу. И затѣмъ такія, вспышки бывали не разъ и послѣ того, какъ Кирилла уже не было въ живыхъ. Какъ извѣстно, послѣ Халкидонскаго собора монофизитство надѣлало имперіи страшныхъ бѣдъ и въ концѣ концовъ оторвало отъ нея добрую половину. И все это сводить къ интригамъ отдѣльныхъ честолюбцевъ? Это значило бы изъ за деревьевъ не видѣть лѣса. Нѣтъ, мы не можемъ не думать, что за выступленіями отдѣльныхъ лицъ стояли глубокіе религіозные интересы народныхъ массъ. Но книга проф. Гидулянова дѣйствительно на эту область свѣта не проливаетъ.

Здѣсь я кончу затянувшійся разборъ изложенія проф. Гидуляновымъ догматическихъ проблемъ изучаемой эпохи и съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что эта сторона его работы слаба безусловно, — хотя авторъ придаетъ ей большое значеніе, потому что признаетъ «тѣсную связь догматическихъ ученій и неотразимое вліяніе ихъ на слагающееся церковное устройство» (Предисл. IV).

Отъ проблемъ догматическихъ обратимся къ вопросамъ церковно-историческимъ. Здѣсь также мы находимъ достаточно пунктовъ, по которымъ согласиться съ авторомъ очень трудно, если только возможно. Возраженія вызываетъ уже первый отдѣлъ изслѣдованія — объ обращеніи въ христіанство Константина В. Авторъ привлекаетъ значительную литературу по вопросу. Однако далеко не всю. И, по видимому, онъ опускаетъ даже самую новую и лучшую. Авторъ совершенно не хочетъ считаться съ актовой рѣчью проф. Спасскаго «Обращеніе Константина» 1905 г. Правда, онъ опасается конфессіонализма академическихъ профессоровъ, но въ данномъ случаѣ опасенія эти неосновательны: рѣчь проф. Спасскаго написана въ гораздо болѣе свободномъ духѣ, чѣмъ отдѣлъ въ книгѣ проф. Гидулянова. — Затѣмъ совершенно непростительно игнорированіе результатовъ, къ которымъ пришелъ Гарнакъ въ своей *Die Mission und Ausbreitung des Christentums*, 1906. Въ заключительной главѣ 2-го тома этой дивной работы читатель найдетъ лучшее, что доселѣ было сказано о положеніи Константина и имперіи къ моменту его обращенія. Игнорируя эти выводы Гарнака и опираясь на Шульце и Зеeka, проф. Гидуляновъ дѣлаетъ рядъ крайне одностороннихъ и рискованныхъ утвержденій по центральному вопросу въ исторіи Константина.

«Стоя на точкѣ зрѣнія Кейма или Буркгардта, говорить онъ, придется самую связь Константина съ христіанствомъ признать политической глупостію. Несмотря на успѣшное распространеніе христіанской религіи, христіане были все еще весьма немногочисленны, особенно на Западѣ имперіи. Затѣмъ, только что оправившись отъ ужаснаго кризиса, они были слишкомъ смущены, слишкомъ опасались за будущее, слишкомъ мало занимались политикою, чтобы можно было на нихъ положиться та-

кому практическому и расчетливому уму, какимъ хотять представить Константина. Напротивъ, былъ полный расчетъ стоять за многочисленное язычество и особенно въ такой критическій моментъ, когда Константинъ провозгласилъ себя христіаниномъ. Вообще, если признавать его внутреннюю связь съ языческой религіей, то все это будетъ безмыслицей».

Эти соображенія подлежатъ безусловному отклоненію въ виду результатовъ работы Гарнака. Конечно, христіане не составляли большинства въ имперіи. Но вѣдь численность и вліяніе далеко не всегда совпадаютъ другъ съ другомъ: меньшая группа населенія можетъ быть вліятельнѣе, если она черпаетъ силу въ руководящихъ классахъ общества. Съ другой стороны и большое число можетъ означать немного, если оно обнимаетъ низшіе или главнымъ образомъ сельскіе слои населенія. *Христіанство было городской религіей*. Это было необычайное преимущество. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ большомъ числѣ провинцій христіанство глубоко проникло и въ деревню. Это мы знаемъ относительно значительнаго количества провинцій Малой Азіи, Сиріи, Арменіи и Египта. Всѣ провинціи имперіи Гарнакъ дѣлитъ на четыре разряда: 1) такія, въ которыхъ христіане къ IV в. составляли половину приблизительно всего населенія и христіанство было главной религіей; 2) такія, гдѣ христіане составляли значительную часть населенія и пользовались вліяніемъ въ руководящихъ кругахъ и культурной жизни и гдѣ христіанство могло соперничать съ другими религіями; 3) такія, гдѣ христіанъ было немного, и 4) такія, гдѣ христіане были рѣдки.—Къ первой категоріи принадлежитъ вся теперешняя Малая Азія. Во Фригіи, Писидіи, Понтѣ были полосы съ городами и деревнями сплошь христіанскими. То же было въ Арменіи, Кипрѣ, Эдессѣ. — Ко второй категоріи принадлежали Антиохія, Сирія, Александрія съ Египтомъ и Фиваидой, Римъ, часть Средней и Южной Италиі. Въ Римѣ высшіе классы держались еще въ сторонѣ отъ христіанства; въ началѣ IV в. положеніе христіанъ переоцѣнивать здѣсь не слѣдуетъ. Но, съ другой стороны, не менѣе вѣрно, что въ верхнихъ и среднихъ слояхъ были сдѣланы уже значительныя завоеванія. Евсевій могъ писать, что Максенцій, противникъ Константина, сначала носитъ маску расположенія къ христіанамъ, чтобы «угодить римскому народу». Къ этимъ же провинціямъ надо причислить *Africa proconsularis*, Нумидію, Испанію, побережье Ахайи, Фессалии, Македоніи, Южной Галліи, острова. Бросается въ глаза громадная разница между Востокомъ и Западомъ имперіи. А если дѣлать между греческимъ и латинскимъ языкомъ, то процентная норма поднимется еще выше.

Итакъ, главная сила христіанства была въ Малой Азіи. Константинъ много лѣтъ до своего отъѣзда въ Галлію жилъ въ Никомидіи при дворѣ Діоклетіана въ качествѣ заложника. Самое положеніе заставило его рано перестать быть юношей и сдѣлаться наблюдательнымъ, и всюду онъ видѣлъ силу церкви и епископата. Эти наблюденія перешли съ нимъ

въ Галлію и превратились въ рядъ соображеній, которыя привели къ рѣшительнымъ заключеніямъ. Римскихъ легионовъ въ старомъ смыслѣ въ ту пору не существовало, какъ показалъ Delbrück. На что же могъ опереться государь, который намѣревался царствовать не до завтра и который не хотѣлъ довольствоваться властью надъ одной провинціей? Церковь и епископаты обладали традиціей, авторитетомъ и послушнымъ народомъ. Правда, былъ еще городъ, гдѣ хранились остатки силъ прежняго государства и боговъ—Римъ. Но съ этой силой К-нъ не могъ связать себя; онъ шелъ на завоеваніе вѣчнаго города.

Во всякомъ случаѣ побѣда христіанства была рѣшена еще до Константина въ Малой Азіи; а въ другихъ мѣстахъ она была значительно подготовлена. Знать все это было достаточно. Нужна была только рѣшимость дать возможность выступить и работать тому, что уже существовало. Нужно былъ наблюдательный и сильный государственный человѣкъ, который бы въ то же время имѣлъ внутреннее влеченіе къ религиознымъ переживаніямъ. Такимъ человѣкомъ былъ Константинъ. Его геній ясно распозналъ то, что должно было случиться. Онъ главнымъ провинціямъ позволилъ имѣть ту религію, какую они хотѣли; остальные должны были послѣдовать за ними.

При такихъ условіяхъ вести рѣчь о «политической глупости и безсмыслицѣ» по меньшей мѣрѣ слишкомъ смѣло. Точка зрѣнія Гарнака допускаетъ и дальнѣйшее развитіе. Диоклетіанъ и Константинъ ушли съ Запада на Востокъ. Послѣдній основалъ второй Римъ. Почему и зачѣмъ? Диоклетіану и Константину пришлось имѣть дѣло съ наслѣдіемъ эпохи 30 тирановъ. Продолжительный внутренній погромъ и напоръ варваровъ въ послѣдней четверти III в. надорвали тонкую нѣжную сѣть товарообмѣна въ западной половинѣ имперіи. Господствовавшая и раньше система натурального хозяйства снова продвигается на первое мѣсто. Торговля, растекавшаяся по поверхности огромной территоріи, не проникала въ глубь почвы и раньше. А теперь она сокращается еще больше. Съ IV вѣка почти всецѣло въ римскомъ мірѣ или, по крайней мѣрѣ, во *всѣхъ западныхъ провинціяхъ* господствуетъ латифундія, основанная на широко развитыхъ началахъ ойкоснаго обособленія, управляемая магнатомъ сенаторомъ и обрабатываемая рядомъ съ рабскою силою крѣпостными крестьянами-оброчниками различныхъ категорій; она властвуетъ безъ соперниковъ надъ государствомъ и народомъ (Проф. И. М. Гревсъ, Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія т. I, стр. 609 и вообще весь послѣдній отдѣлъ. См. также въ частности для Галліи, которой управлялъ Константинъ, работы Фюстель де Кулянга въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, въ пер. проф. Гревса). Эти опрощающіяся формы жизни и отношеній плохо поддаются воздѣйствію деликатной государственной машины. Легко понять, почему Диоклетіанъ и Константинъ тянулись на Востокъ. Только на Востокѣ можно еще было найти условія для веденія грузнаго государственнаго хозяйства: здѣсь былъ

культурный классъ въ городахъ, здѣсь теплилась торговля на побережѣ Средиземнаго моря и въ Малой Азіи — этомъ обмѣнномъ очагѣ между Востокомъ и Западомъ; здѣсь можно было найти деньги. Это видѣли Діоклетіанъ и Константинъ. Но Константинъ видѣлъ и понималъ больше: вліяніе и жизнь на Востокѣ принадлежали тѣмъ классамъ населенія, которые приняли христіанство. Діоклетіанъ сдѣлалъ роковую ошибку: онъ хотѣлъ жить на Востокѣ и Востокомъ, попирая его религію. Константинъ оказался дальновиднѣе — вотъ и все. Это не значитъ, что Константинъ носилъ личину: покровительствовалъ новой вѣрѣ, не сочувствуя ей. Жить вѣчно актеромъ невыносимо. Онъ не былъ ни скептикомъ и атеистомъ, ни искренно вѣрующимъ въ позднѣйшемъ смыслѣ, «страстнымъ христіаниномъ». Самая постановка вопроса въ такомъ видѣ (стр. 9) не допустима. Константинъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ вполне: тогда, какъ справедливо говоритъ Allard, христіанство почти у всѣхъ неизбѣжно становилось полуязыческимъ, а язычество полухристіанскимъ. И Константинъ былъ типичнымъ представителемъ религіознаго синкретизма на тронѣ. При этомъ его религіозное развитіе прошло длинный путь и совершалось ускореннымъ темпомъ со времени переселенія на Востокъ. Только такой взглядъ на Константина допускаетъ бережное научное обращеніе съ противорѣчивыми источниками, изъ которыхъ мы черпаемъ наши свѣдѣнія о немъ. Взглядъ Буркгардта заставляетъ признать негодной макулатурой работы Евсевія, а взглядъ Шульце, Гидулянова принуждаетъ отвергнуть свѣдѣнія писателей языческихъ, свидѣтельства монетъ и пр. Повидимому, здѣсь неизбѣжно слушаться стараго совѣта: *medio tutissimus ibis*.

Но проф. Гидуляновъ предпочитаетъ рѣзкіе штрихи. вмѣстѣ съ Шульце онъ полагаетъ, что «война съ Максенціемъ привела Константина къ уходу съ неясной и неопредѣленной позиціи» (стр. 14). Разумѣется рассказъ о видѣніи на солнцѣ предъ битвой на Мильвійскомъ мосту. Мнѣ кажется, этотъ рассказъ надо предоставить художественной и назидательной литературѣ: извлечь изъ него свидѣтельство объ обращеніи Константина — предпріятіе совершенно безнадежное. Главными источниками остаются *Vita Constantini* Евсевія и *De mortibus persecutorum* Лактанція. Одинъ авторъ былъ собесѣдникомъ императора, другой учителемъ его дѣтей. И однако они противорѣчатъ другъ другу. Мало того: Евсевій противорѣчитъ самъ себѣ. Анализъ его показанія см. въ актовомъ рѣчи проф. Спасскаго: «Обращеніе Константина». Эта противорѣчія мы не должны объяснять неосвѣдомленностію. Напротивъ, оба писателя могли описывать явленіе по рассказамъ самыхъ добросовѣстныхъ очевидцевъ. Но кто же не знаетъ, что очевидцы факта, особенно если онъ возбуждаетъ свидѣтелей, обыкновенно передаютъ его различно до искаженій (см. яркіе примѣры въ кн. «Проблемы Психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія» в. 1)? Свидѣтельство Лактанція является болѣе трезвымъ и историчнымъ, но не совсѣмъ точнымъ. Самыя бѣльшія по-

дробности, которыя можно допустить въ рѣчи о видѣніи Константина, слѣдующія: Константинъ и войска предъ битвой обращались мысленно къ своему чтимому богу. Таковымъ въ это время былъ *deus invictus Solis* — Митра. Какъ извѣстно, культъ Митры-Солнца находился особенно въ тѣсной связи съ идеями императорскаго абсолютизма. Діоклетіанъ смотрѣлъ на Митру какъ на *fautor imperii sui* (объ этомъ см. у Cumont, *Les mystères de Mithra*, 2 éd. 1902, chap. III). Культъ Митры соперничалъ съ христіанствомъ и былъ особенно распространенъ въ Галліи, гдѣ были набербованы легіоны Константина. И знаменіе видно на солнцѣ. Готовившіеся къ битвѣ взирали на свѣтило и видѣли приблизительно то, что мы видимъ на монетахъ Константина: три прямыя перекрещивающіяся линіи. Старались разгадать примѣту. Христіане предложили свое толкованіе: ✕ = IX (Лактанцій) — знакъ побѣды. Монограмма эта у христіанъ была въ ходу давно. Константинъ побѣдилъ и усвоилъ эмблему и, б. м., ея толкованіе. Эмблема эта однако имѣла нейтральный характеръ и не могла рѣзать языческаго глаза: для христіанъ она могла означать монограмму имени Христа, а для язычниковъ нимбъ, сіяніе, лучи солнца. Вся дальнѣйшая обстановка событія могла нарастать послѣ. Это нарастаніе подробностей могло имѣть мѣсто даже у Константина подъ вліяніемъ его послѣдующихъ отношеній къ христіанству.

Что главное дѣло было не въ потрясеніи, пережитомъ Константиномъ подъ стѣнами Рима, объ этомъ говоритъ все послѣдующее поведеніе его послѣ побѣды надъ Максенціемъ. Въ 312 г. онъ издаетъ указъ, касающійся христіанъ. Указъ этотъ не дошелъ до насъ. Почему? Потому что христіане желали забыть о немъ. По догадкѣ проф. В. В. Болотова и др., онъ былъ вызванъ желаніемъ затруднить массовый переходъ въ христіанство язычниковъ послѣ эдикта Галерія 311 г. Объ указѣ мы знаемъ изъ такъ называемаго Миланскаго эдикта 313 г. или точнѣе изъ Никомидійскаго рескрипта Лицинія. У Лактанція сар. 48 *De mortibus persecutorum* читаемъ: *scire dicationem tuam (префектъ Никомидійскій) convenit placuisse nobis, ut amotis omnibus omnino conditionibus, quae prius scriptis ad officium tuum datis super Christianorum nomine continebantur, et quae prorsus sinistrae et a clementia nostra alienae videbantur, nunc libere ac simpliciter unusquisque eorum, qui eandem observandae religioni Christianorum gerunt voluntatem, citra ullam inquietudinem ac molestiam sui id ipsum observare contendant.* Въ 312 г. были изданы *scripta*, устанавливавшія разныя *conditiones*, м. б. строгій *status quo*, чтобы тѣ, которые приняли христіанство, держались его, но чтобы вновь никто не смѣлъ принимать эту религію. Эти *scripta* вызвали броженіе. Чтобы погасить его, императоры въ Миланѣ заблагоразсудили *liberam atque absolutam colendae religionis suae facultatem Christianis dedisse.* — Нельзя затѣмъ не отмѣтить, что такъ называемый Миланскій эдиктъ извѣстенъ намъ только въ видѣ рескрипта Лицинія префекту Никомидіи. Дѣло доходитъ до того, что часто цитируемый проф. Гидуляновымъ Зеекъ отри-

цаетъ его существованіе. Это дѣйствительно любопытно, что Евсевій, собиравшій такъ тщательно всѣ документы, сопровождавшіе торжество новой вѣры, вынужденъ довольствоваться переводомъ документа величайшаго значенія съ распоряженія ненавистнаго ему Лицинія. Неужели ему нельзя было достать подлинника?

Каковъ же выводъ изъ всего сказаннаго? Оказывается, что Константинъ въ 312 г. вскорѣ послѣ видѣнія на солнцѣ, которое будто бы заставило его перейти на новую позицію, оказывается на старой. Въ 313 г. онъ дѣлаетъ шагъ впередъ, но такой, что Евсевій предпочитаетъ говорить о немъ словами рескрипта Лицинія. Да и Лактанцій знаетъ только этотъ рескриптъ. Такъ какъ Миланскій эдиктъ, если онъ былъ изданъ, подписанъ былъ и Лициніемъ, который не видѣлъ знаменія на солнцѣ, то главное дѣло было въ понудительныхъ объективныхъ данныхъ, которыя толкали къ объявленію христіанства *religio licita*, а не въ субъективныхъ переживаніяхъ Константина. Отсюда вообще значенія Константина въ дѣлѣ переворота переоцѣнивать не слѣдуетъ. Проф. Гидуляновъ (стр. 19) говоритъ, что у Хрисополя «18 сентября 323 г. произошло сраженіе, рѣшившее судьбу Константина и вмѣстѣ христіанства въ римской имперіи». Что касается судьбы Константина, то это вѣрно. Но судьба христіанства... Побѣда христіанства на Востокѣ была рѣшена до Константина. Константинъ пришелъ бы во всякомъ случаѣ, и съ каждымъ десятилѣтіемъ приходъ его становился все легче, повторимъ мы слова Гарнака.

Настаивая на мысли, что по преимуществу объективныя нужды опредѣлили отношеніе Константина къ христіанству на первыхъ порахъ, м. б. до конца борьбы съ Лициніемъ, и заставляли его держать нейтралитетъ, мы должны признать, что удержаться на этой позиціи ему удалось не вполне. Сближеніе съ епископами, вліятельными представителями христіанства, давало ему наиболѣе сильные аргументы въ пользу новой религіи. Все яснѣе вскрывалась государственная мощь новой религіозной связи. Но религіозное развитіе Константина не могло, конечно, идти обратно тому, какъ оно идетъ у другихъ людей. На стр. 19 проф. Гидуляновъ говоритъ, что «съ того времени, какъ Константинъ исповѣдалъ христіанство, мы видимъ его постоянно окруженнаго епископами... Въ бесѣдахъ съ ними онъ проводитъ большую часть времени. Отъ нихъ же онъ получилъ *первое свое христіанское образованіе*». Повидимому, здѣсь необходимо сдѣлать перестановку: для самой возможности исповѣдывать христіанство нужно получить первое христіанское образованіе.

При указанномъ отношеніи проф. Гидулянова къ Константину естественно, если онъ охотно и съ полнымъ довѣріемъ пользуется *Vita Constantini* Евсевія. Но эта *Vita*, какъ извѣстно, всегда вызывала нареканія. При чтеніи этого памятника поражаетъ необузданная жажда обогащенія. Умный Евсевій здѣсь перестаетъ быть самимъ собой. Уже Сократъ совершенно основательно возмущался этой работой: ея авторъ τὸν ἐπαί-

των τοῦ βασιλέως καὶ τῆς πανηγυρικῆς ὑψηγορίας τῶν λόγων μᾶλλον ὡς ἐν ἐγκωμίῳ φροντίσας ἢ περὶ τοῦ ἀκριβοῦς περιλαβεῖν τὰ γενόμενα (Н. е. 1, 1). Проф. Гидуляновъ беретъ Vita подъ свою защиту, но въ концѣ концовъ послѣ его защиты Евсевій оказывается опороченнымъ. Онъ не отрицаетъ, что Crivellucci удалось доказать неподлинность одного приводимаго Евсевіемъ акта. «Весьма возможно, что у Евсевія вышняя форма документовъ не сохранена (стр. 5). Причина этого понятна. Въ «Жизни царя Константина» говоритъ не объективный историкъ (sic), но панегиристъ, отъ котораго требовалась не историческая подлинность, но риторическая художественность. Отъ панегирика древніе требовали единства стиля. Вслѣдствіе этого Евсевій могъ не прерывать своего блестящаго краснорѣчія включеніемъ официальныхъ документовъ, но излагать ихъ въ иной формѣ. Въ этомъ Кривелукки (sic) правъ, что документы въ «Жизни царя Константина» не подлинны, такъ какъ Константинъ не могъ ихъ въ такой формѣ публиковать. Конечно, содержаніе и форма между собою тѣсно связаны. Кто измѣняетъ форму, тотъ измѣняетъ и содержаніе. Но все же, несмотря на все это, пѣль и смыслъ акта должны оставаться неизмѣнными (?). Въ документахъ у Евсевія, читаемъ у Зеака, много невѣрныхъ подробностей. Ихъ переработка, конечно, не могла не отразиться на содержаніи. Но изъ нихъ нѣтъ ни одного, который бы не могъ исходить отъ Константина (а Crivellucci?)» (курсивъ всездѣ нашъ). «Защитивъ, заключаетъ авторъ, отца церковной истории отъ обвиненія въ подлогахъ, фальсификаціяхъ и т. д., мы тѣмъ самымъ опровергаемъ изложенныя воззрѣнія Кейма, Дюруи, Буркгардта». Если это проф. Гидуляновъ называетъ защитой, то я недоумѣваю, что же можно назвать обвиненіемъ. Сказать, что Евсевій ретушировалъ въ панегирическомъ направленіи всѣ документы, вошедшіе въ составъ Vita, давалъ невѣрныя свѣдѣнія, сообщалъ неподлинныя документы, это значитъ сказать то, что говорить о ней Буркгардтъ: извѣстіями Vita можно пользоваться только въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ параллельныя контролирующія ихъ извѣстія. Проф. Гидуляновъ поступаетъ къ сожалѣнію иначе, и невѣдко его ссылки на Vita не могутъ не вызывать недоумѣнія. На стр. 20 онъ дѣлаетъ такую выписку изъ нея: «каждый день въ извѣстные часы онъ заключался въ недоступныхъ покояхъ своего дворца и тамъ наединѣ бесѣдовалъ съ Богомъ, тамъ въ смиренныхъ молитвахъ, преклоняя колѣни, испрашивалъ себѣ потребнаго». Если все это дѣлалось наединѣ, то кто же могъ знать эго? И развѣ не ясно, что тутъ мы имѣемъ одно изъ колѣнъ въ панегирической пляскѣ Евсевія?

Возвеличивая Константина по Евсевію, проф. Гидуляновъ до вѣрчиво топчетъ его противника Лидинія. По Евсевію Лидиній — чудовище. У меня есть достаточно данныхъ смотрѣть на этого несчастнаго государя совершенно иначе. Не считая возможнымъ распространяться здѣсь, замѣчу только, что проф. Гидуляновъ относится съ полнымъ довѣріемъ къ извѣстію Евсевія въ «Исторіи» и въ «Жизни Царя Константина», будто Лидиній во время гоненія на христіанъ убивалъ епископовъ. Но вѣдь

давно извѣстно, что извѣстія Евсевія, какъ современника, о гоненіяхъ имѣютъ ничтожную цѣну. Въ сочиненіи «О Палестинскихъ мученикахъ» онъ знаетъ имена и точенъ. Но стоитъ почитать VIII-ю книгу его исторіи, чтобы видѣть, что факты тутъ замѣняются риторическими танцами, чудовищными обобщеніями, на основаніи ложныхъ и преувеличенныхъ слуховъ. Даже тогда, когда онъ называетъ имена, онъ даетъ невѣрные свѣдѣнія: извѣстно его приключеніе съ Аноимомъ, епископомъ восточной столицы—Никомидіи: онъ заставляетъ его мученически умереть въ 303 г., а Аноимъ послѣ этой смерти живетъ еще чуть не десять лѣтъ. Въ рѣчи о гоненіи Лицинія Евсевій не называетъ ни одного имени. Онъ пишетъ: «извѣстнѣйшихъ церковныхъ предстоятелей предавали смертной казни. Такимъ образомъ безвинно уводимы и, подобно убійцамъ, казнимы были люди, не сдѣлавшіе ничего незаконнаго; нѣкоторые же изъ нихъ претерпѣли и новаго рода кончину: тѣла ихъ разсѣкали мечемъ на множество частей и вслѣдъ за такою казнью, которая безчеловѣчнѣе и ужаснѣе всего, повѣствуемаго трагедіями, повергали ихъ въ глубину моря на пожеганіе рыбамъ» (V. С. II, 2). И ни одного имени! Ни одного географическаго названія! Кто изучалъ исторію гоненій, тотъ знаетъ, что это значитъ.

Если проф. Гидуляновъ стираетъ всѣ пятна съ фигуры Константина, то это еще понятно: Константинъ былъ величайшій геній. Но онъ дѣлаетъ то же и въ отношеніи къ его преемнику Констанцію. Констанція раньше забрасывали грязью на основаніи отзывовъ его противниковъ. Но отклоняя эти отзывы, у Констанція все же трудно найти какія-либо достоинства. Правда, онъ много воевалъ, но, по свидѣтельству Евтропія, *in civilibus magis quam in externis bellis sit laudanda fortuna*. Съ внутреннимъ врагомъ онъ дѣйствительно распоряжался отважно. Конечно, нѣтъ прямыхъ уликъ, что Констанцій участвовалъ въ гнусномъ избіеніи своихъ б. ч. малолѣтнихъ родственниковъ при восшествіи на престолъ. Но предъ нами все же стоитъ ужасный вопросъ—*cui prodest* эта расправа? Онъ изуродовалъ Галла, а потомъ убилъ его. Онъ исковеркалъ геній Юліана Отступника. Онъ велъ энергичную церковную политику затѣмъ, чтобы всѣ его ухищренія разсѣялись, какъ дымъ, въ моментъ его смерти. Онъ не понималъ настроенія большинства своихъ подданныхъ и своей эпохи—въ этомъ лучший приговоръ надъ его правленіемъ.

Проф. Гидуляновъ охотно подчеркиваетъ, что Констанцій былъ искреннимъ христіаниномъ. Но его христіанство такъ было перетасовано съ интригами и политикой, что объ его искренности можетъ судить только Богъ.

Мы однако понимаемъ, почему проф. Гидулянову нужно это подчеркиваніе. Въ вопросѣ объ отношеніи императоровъ къ церкви онъ занимаетъ позицію, которая неизбѣжно требовала признанія Константина и Констанція настоящими христіанами, хотя крещеніе они приняли оба только на смертномъ одрѣ. Проф. Гидуляновъ развиваетъ теорію, надъ

популяризаціей которой потрудился много его учитель, недавно скончавшійся проф. Суворовъ. Проф. Гидуляновъ подвергаетъ основательной критикѣ воззрѣніе, отождествляющее церковную іерархію съ церковью. Древность не знала ученія о принадлежности всей церковной власти однимъ епископамъ. Отсюда и вселенскій соборъ не имѣлъ никакой формальной, никакой правовой власти надъ церковью. Сила его постановленій опредѣлялась тѣмъ, насколько церковь признавала постановленія собора, какъ дѣйствительно исходяція отъ Св. Духа. Рѣшеніе однихъ епископовъ само по себѣ было безсильно. Чтобы оно вошло въ законную силу и стало исполняться, нужна была реценція, одобреніе, признаніе. Кто же могъ на практикѣ сообщить эту реценцію? Только представитель міра всей церкви имперіи. Такимъ представителемъ могъ быть только императоръ. Въ лицѣ Константина этотъ представитель государства становится христіаниномъ. Здѣсь набросана только схема теоріи, развиваемой проф. Гидуляновымъ. Теорія эта не можетъ не вызывать сочувствія. Но у нея есть одинъ недостатокъ: она неизбежно нуждается въ признаніи Константина и Констанція искренними христіанами, подлинными христіанами до крещенія. *Представителемъ міра церкви могъ быть только христіанскій императоръ.* Въ этомъ все и дѣло. Именно эта нужда и доводитъ проф. Гидулянова до утвержденія, что Константинъ былъ «страстнымъ христіаниномъ». Этотъ пунктъ остается въ теоріи самымъ уязвимымъ. Мнѣ представляется, что эту позицію надо бросить, какъ слабо защищенную. Пока приходится довольствоваться старымъ объясненіемъ энергичнаго участія Константина въ жизни церкви. Энергичная церковная политика для него «вытекала изъ верховнаго права надзора и руководства по отношенію къ церкви, на которое онъ долженъ былъ претендовать въ качествѣ императора. Хотя онъ не называлъ себя христіанскимъ sacerdos или pontifex maximus, но скоро былъ найденъ титулъ, выражавшій новое объединеніе imperium и sacerdotium. Онъ сталъ называться ἐπίσκοπος τοῦ ἔξω. Титулъ имѣлъ двуличную окраску, но совершенно ясно, что онъ долженъ былъ означать: императоръ принимаетъ участіе въ управленіи церковью. Въ этомъ смыслѣ онъ издавалъ законы противъ еретиковъ, въ этомъ смыслѣ созвалъ великій Никейскій соборъ и писалъ Аѳанасію «угрозу послать чиновника, который тебя по моему приказу низложитъ и переведетъ въ другое мѣсто» (A. Harnack, Очеркъ въ Geschichte der Christl. Religion von Wellhausen, A. Jülicher, A. Harnack, N. Bonwetsch etc. (Die Kultur der Gegenwart. Th. I, Abt. IV, 1) 2 Aufl. 1909, S. 160).

Свой затянувшійся отзывъ я кончу указаніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ недосмотровъ въ работѣ проф. Гидулянова.

Показанія источниковъ нерѣдко проф. Гидуляновъ переводитъ и понимаетъ такъ, что съ нимъ согласиться совершенно невозможно.

На стр. 161 онъ пишетъ: Аѳанасій В. въ «Arologia contra agianos сообщаетъ, что Александръ Александрійскій пережилъ Никейскій соборъ всего 5-ю мѣсяцами». Стоитъ цитата на Athan. apol. c. ar. 59. Для боль-

шей любезности съ читателемъ автору не мѣшало бы указать томъ, страницу и, какъ принято, даже букву, если цитата сдѣлана по Migne. Но это между прочимъ. Въ подлинникѣ читаемъ: ἐν τῇ συνόδῳ τῇ κατὰ Νίκαιαν ἡ μὲν αἵρεσις ἀνεθεματίσθη καὶ οἱ Ἀρειανοὶ ἐξεβλήθησαν, οἱ δὲ Μελιτιανοὶ ὅπως δὴ ποτὲ ἐδέχθησαν (οὐ γὰρ ἀναγκαῖον νῦν τὴν αἰτίαν ὀνομάζειν) οὕτω γὰρ πάντε μῆνας παρῆλθον καὶ ὁ μὲν μακκρίτης Ἀλέξανδρος τετελεύτησεν, οἱ δὲ Μελιτιανοὶ и пр. Русскій переводъ передаетъ это мѣсто такъ: «аріанская ересь на Никейскомъ соборѣ предана анаемѣ, а аріане извергнуты, мелетіане же какимъ-то образомъ приняты, и теперь уже нѣтъ необходимости наименовывать тому причину. Ибо не прошло еще пяти мѣсяцевъ, какъ блаженной памяти Александръ скончался, мелетіане и пр.» (т. 1, стр. 361). Переводъ этотъ вообще слѣдуетъ признать правильнымъ. Во всякомъ случаѣ извлечь отсюда мысль, что Александръ пережилъ Никейскій соборъ пятью мѣсяцами, можно только съ трудомъ. Попытка эта дѣлается проф. Гидуляновымъ не первымъ. Но теперь она послѣ работъ спеціалиста въ этой области Gutschmid'a должна быть признана неудавшейся.

Случай этотъ подчеркивается мною потому, что проф. Гидуляновъ, опираясь главнымъ образомъ на данное имъ толкованіе приведеннаго мѣста изъ Аѳанасія, развиваетъ the hopelles, по выраженію Gwatkin'a (Studies of Arianism, 2 ed., p. 70), theories of a three year's session of the council Никейскаго: Александръ умеръ пять мѣсяцевъ спустя послѣ собора; въ то же время извѣстно изъ Праздничныхъ посланій Аѳанасія, что это случилось 17 апрѣля 328 г. Ergo, соборъ Никейскій имѣлъ еще засѣданія въ 327 г. Во время сессіи 327 г. были реформированы постановленія сессіи 325 г. Какъ видно, теорія ставитъ большой вопросъ. Для нашего непривычнаго русскаго читателя теорія является сенсационной. Тѣмъ серьезнѣе надо было обставлять ее аргументаціей. Во всякомъ случаѣ нельзя было пройти молчаніемъ аргументацію спеціалиста по части хронологіи Gutschmid'a, которой и Loofs придаетъ рѣшающее значеніе (RE³ B. 2, S. 196). Кстати опять о Loofs'ѣ. На стр. 163 авторъ утверждаетъ, что Александръ умеръ 17 апр. 328 г. и ставитъ цитату—Loofs. Art. Arianismus. RE. B. 2, S. 16. Приискиваемъ и читаемъ: Inzwischen war am 17 April 326—oder 328—diese Frage braucht hier nicht entschieden zu werden (vgl. den A. Athanasius)—Bischof Alexander gestorben... Loofs отсылаетъ къ своему же артикю объ Аѳанасіѣ, гдѣ излагаетъ результаты изслѣдованія Gutschmid'a, и принимаетъ дату 17 апрѣля 326 г. Такія цитаты, конечно, гораздо больше вредятъ дѣлу, чѣмъ приносятъ ему пользы.

На стр. 181 авторъ дѣлаетъ такую выписку изъ Церковной исторіи Сократа 1, 27: посланный Аѳанасія пресвитеръ Макарій при одномъ случаѣ ворвался въ храмъ и «вскочивъ на жертвенникъ, опрокинулъ трапезу, сломалъ таинственный потиръ». Конечно, такъ въ русскомъ переводѣ. Но вѣдь авторъ ставитъ цитату на подлинникѣ, и мы въ правѣ ожидать, что онъ не будетъ повторять оплошностей переводчика. Въ подлинникѣ мы читаемъ: Макарій εἰσπλήθσας εἰς τὸ θυσιαστήριον, ἀνέτρεψε μὲν

τὴν τράπεζαν, ποτήριον δὲ κατέαξε μυστικόν. Εἰσπληθῶ прежде всего значить быстро входить, врываться; а κατάρυμι—γυῖω—разбивать, раздроблять; θυσιαστήριον значить алтарь. Переводъ долженъ получить такой видъ: Макарій, ворвавшись въ алтарь, опрокинулъ престолъ и разбилъ св. чашу.

На стр. 214 проф. Гидуляновъ, начиная характеристику Констанція, пишетъ: «по натурѣ справедливый и щедрый...» Стоить цитата изъ Eutrop. Brev. X, 14: vir egregiae tranquillitatis, placidus.

Что это—вольный переводъ?

На стр. 640 проф. Гидуляновъ, рассказывая о томъ, какъ Кириллъ Александрійскій въ борьбѣ съ Несторіемъ старался привлечь на свою сторону Римскаго папу, какъ онъ посылалъ ему сочиненія Несторія и свои письма къ послѣднему, пишетъ: «Во всемъ этомъ о жалобахъ, возбужденныхъ противъ самого Кирилла, конечно нѣтъ ни слова. Кириллъ говорилъ только какъ вѣрный и надежный защитникъ ортодоксіи. Какъ бы надѣясь на исправленіе Несторія, онъ замалчиваетъ, что епископъ Дорооей въ присутствіи Несторія въ Константинопольской церкви произнесъ анафему (анаемѣ?) на всѣхъ тѣхъ, кто величаетъ Марію θεοτόκος». Здѣсь стоитъ примѣчаніе такого рода: «Что Кириллъ зналъ объ этомъ (объ анаемѣ Дорооея), ясно видно изъ его Epistola dogmatica къ Несторію».—Беру письмо Кирилла къ Целестину и здѣсь читаю (русск. пер. стр. 146 въ 1 т. Дѣян. всел. соб. Изд. 2): «разсудивъ, что поскользающимъ надо подавать руку для поддержанія ихъ и упавшихъ надо поднять, какъ своихъ братій, я въ своихъ письмахъ къ нему (Несторію) совѣтовалъ отстать отъ такого нечестиваго ученія; но отъ этого мы не получили никакой пользы. Когда мы ждали, что онъ испѣлится отъ своей болѣзни, удержится отъ противохристіанскаго ученія, узнаемъ, что мы ошиблись въ своей надеждѣ, по слѣдующему событію. Въ Константинополѣ былъ епископъ Дорооей одинаковыхъ съ нимъ мыслей, человѣкъ корыстолюбивый и лъстивый, и дерзкій на словахъ. Онъ во время одного общественнаго богослуженія всталъ съ своего мѣста и громкимъ голосомъ дерзнулъ сказать: «кто говоритъ, что Марія есть Богородица, тотъ да будетъ анаема».

Встаетъ неизбежно вопросъ, какъ можно было сказать, что Кириллъ, «какъ бы надѣясь на исправленіе Несторія, замалчиваетъ» выступленіе Дорооея, когда Кириллъ, напротивъ, раздуваетъ и подчеркиваетъ инцидентъ? Невольно закрадывается подозрѣніе, что авторъ письма Кирилла къ Целестину не читалъ, а воспользовался неосторожной цитатой изъ вторыхъ рукъ. Къ сожалѣнію, даже и это объясненіе не годится. Повидимому, авторъ въ данномъ мѣстѣ даетъ переводъ одного мѣста изъ статьи Lofs'a, которое читается такъ: In diesem Briefe (къ Целестину) ist von der gegen Cyrill selbst schwebenden Klage wohlweislich kein Wörtlein gesagt; Cyrill redet nur als der treue und geduldige Hüter der Orthodoxie: er würde geschwiegen und auf Besserung des Nestorius gewartet haben, hätte nicht kürzlich—Cyrill hat das erst nach seiner epistola dogmatica an Nesto-

rius erfahren—ein Bischof Dorotheus in einer Kirche Konstantinopels in Gegenwart des Nestorius, der sich dadurch mitschuldig gemacht habe, ein Anathem über diejenigen ausgesprochen, welche die Maria Θεοτόκος nennen (p. 81 BC и 85 A).—Мой переводъ этого мѣста будетъ таковъ: «Въ этомъ письмѣ (къ Целестину) о жалобахъ на самого Кирилла очень предусмотрительно не сказано ни слова; Кириллъ говоритъ, какъ вѣрный и терпѣливый (у проф. Гидулянова—надежный) стражъ православія: онъ молчалъ бы въ ожиданіи исправленія Несторія, если бы недавно—Кириллъ узналъ объ этомъ только *ποστ* своего epistola dogmatica къ Несторію—епископъ Дороеей въ одной изъ Константинопольскихъ церквей въ присутствіи Несторія, который чрезъ это становился соучастникомъ вины, не произнесъ анаѣмы на тѣхъ, кто называетъ Марію Θεοτόκος». Разница между моимъ переводомъ и переводомъ проф. Гидулянова доходитъ до противоположности; и однако переводы наши сдѣланы несомнѣнно съ одного подлинника: въ этомъ убѣждаетъ меня тожество цитаты, сдѣланной Loofs'омъ и проф. Гидуляновымъ къ этому мѣсту: p. 81 BC и 85 A. Вводная фраза Loofs'a—Кириллъ узналъ объ этомъ только *ποστ* своего epistola dogmatica къ Несторію—превратилась у проф. Гидулянова въ примѣчаніе такого рода:—«что Кириллъ зналъ объ этомъ, ясно видно изъ его epistola dogmatica къ Несторію». Какъ можно ясно видѣть въ epistola dogmatica то, чего тамъ нѣтъ и быть не могло, это приводитъ меня въ изумленіе.

На стр. 165—166 проф. Гидуляновъ излагаетъ ученіе Маркелла Анкирскаго: «Маркеллъ рѣшительно стоялъ за единосущіе, ὁμοούσιος: Отецъ, Сынъ и Духъ являютъ по Маркеллу божественной монадой, μονάς. Прежде всѣхъ вѣковъ они составляли эту монаду и опять ею будутъ. Только въ видахъ міросозданія, искупленія и спасенія эта монада, μονάς, распалась на Троицу τριάς, но такъ, что монада не измѣняется въ Троицѣ. Одинъ изъ нея, какъ вочеловѣчившійся, можетъ быть, поэтому, названъ въ извѣстномъ смыслѣ, какъ «Сынъ Божій, рожденный отъ единогожденаго Отца, т. е. изъ сущности Отца» (υἱὸν τοῦ Θεοῦ γεννηθέντα ἐκ τοῦ πατρὸς ὁμοουγενῆ τοῦτέστιν ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ πατρὸς—Loofs RE II, 17), что, конечно, не тождественно съ ученіемъ Никейскаго собора». Ученіе Маркелла, какъ извѣстно, очень туманно. При изложеніи его требуется большая осторожность. Между тѣмъ въ приведенной выпискѣ мы этого не видимъ. Выходитъ по изложенію проф. Гидулянова такъ, какъ будто слова греческаго подлинника передаютъ мысль Маркелла, не согласную съ ученіемъ Никейскаго собора. Но вѣдь эти слова взяты изъ Никейскаго символа. Явно, что тутъ какое-то плачевное недоразумѣніе. Недоразумѣніе это объясняется тѣмъ, что вся рѣчь о Маркеллѣ представляетъ собою исковерканный переводъ слѣдующихъ словъ Loofs'a: Маркеллъ billigte zwar entschieden das ὁμοούσιος—Vater, Sohn und Geist waren ihm die göttliche μονάς, die vor aller Welt schlechthin μονάς war und dereinst es wieder sein wird, aber zum Zweck der Welterschöpfung, Erlösung und Heilung sich zur τριάς so entfaltet hat, dass die Einheit in der Dreiheit beharrt—; allein, da er ein

γεννησθαι von Christo nur als dem Mensch gewordenen annahm, konnte er das υἰὸν τοῦ Θεοῦ, γεννηθέντα ἐκ τοῦ πατρὸς μονογενῆ, τοῦτέστιν ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ πατρὸς sich nur in einem Sinne zurechtlegen, der gewiss nicht der von der Synode gemeinte war. Эти слова никакого недоумѣнія не возбуждаютъ и передаютъ суть воззрѣннй Маркелла точно и вѣрно.

На стр. 166 σῶμα ἄψυχον проф. Гидуляновъ переводитъ—«бездыханное тѣло». Можетъ быть, переводъ этотъ и букваленъ, но онъ едва ли передаетъ то, что хотѣли сказать ариане.

На стр. 628 ἀνέγκλητος «Ἑλλη» проф. Гидуляновъ переводитъ «свободный эллинъ». Для филологовъ такой переводъ будетъ большою новостью.

Кончаю отзывъ указаніемъ нѣкоторыхъ другихъ недосмотровъ, попавшихся мнѣ на глаза.

Обсуждая на стр. 537 и др. причины оставленія Григоріемъ Богословомъ собора и Константинополя, проф. Гидуляновъ забылъ указать главную изъ нихъ: Григорій расходился съ большинствомъ отцовъ собора по кардинальному вопросу о Св. Духѣ, какъ самъ онъ объ этомъ свидѣтельствуемъ. Тутъ не требовалось самостоятельнаго экскурса, а просто нужна была справка въ диссертациі проф. Спасскаго: «Исторія догматическихкихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ», т. I, стр. 607 и др.

На стр. 437 авторъ заводитъ рѣчь о перепискѣ императора Льва Исавра съ папой Григоріемъ II и безъ оговорокъ цитируетъ посланія этого папы по Льву, какъ подлинныя. Авторъ совершенно не считается съ критикой подлинности этихъ посланій у Schwarzlose (Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und um ihre Freiheit. Gotha 1890). Основные аргументы Schwarzlose воспроизведены въ брошюрѣ о Преображенскаго о Тарасіѣ.

Своимъ цитатамъ авторъ даетъ иногда форму, не принятую въ нашей литературѣ и составляющую совершенно бесполезное новшество. На стр. 24 въ примѣчаніи пятомъ онъ цитируетъ 3 Моис. 20, 11, 14; 5 Моис. 22, 22, 27, 29. Конечно, такъ цитируетъ Schultze (RE. V. 10. S. 765, 10), откуда, повидимому, авторъ дѣлаетъ заимствование. Но то, что принято въ Германіи, можетъ затруднять нашихъ читателей.

На той же страницѣ въ примѣчаніи 6-мъ авторъ цитируетъ 1 Кол. 5, 5. Эта цитата, видимо, также взята у Schultze, гдѣ она имѣетъ видъ 1 Ко 5, 5. Хотѣлось бы думать, что у проф. Гидулянова тутъ просто описка. Кол. вмѣсто Кор., т. е. посланіе къ Коринѣянамъ, а не къ Колоссяямъ. Къ сожалѣнію на стр. 166 въ примѣчаніи 1-мъ я вижу повтореніе этой описка: 1 Кол. 15, 18. Цитата эта взята, повидимому, у Loofs'a RE³. V, 2, S. 17, гдѣ стоитъ 1 Ко 15, 28. Я отнюдь не желаю дѣлать никакихъ неприятныхъ догадокъ; я хочу только указать, что такія приключенія съ цитатами могутъ дать поводъ для злыхъ шутокъ.

На этой же 166 страницѣ читатель можетъ испытывать смущеніе при видѣ отдѣла о Евстаѣи Антиохійскомъ съ выписками изъ подлинника, но безъ указанія цитатъ. По принятому обычаю просто нужно было

заклѣчь отдѣлъ въ ковычки и сказать, что это переводъ изъ статьи Loofs'a.

На стр. 335—336 авторъ говоритъ о гоненіи на православныхъ при Валентѣ. «Изъ всѣхъ ужасовъ преслѣдованія безусловно первое мѣсто занимаетъ потопленіе въ морѣ корабля съ 80-ю пресвитерами, высказавшими протестъ противъ назначенія аріанскаго преемника на мѣсто Евдоксія Константинопольскаго (Theod. IV, 24; Socr. IV, 16; Soz. VI, 14). Разъ Гиббонъ допускаетъ этотъ фактъ, это доказываетъ, что онъ опирается на вѣскіе источники». Не касаясь самаго факта, я отмѣчу только отношеніе къ нему Гиббона. Ссылка у проф. Гидулянова имѣетъ такой видъ, какъ будто Гиббонъ считаетъ умерщвленіе пресвитеровъ дѣломъ Валента. Но Гиббонъ говоритъ только вотъ что: «гибель восьмидесяти константинопольскихъ священниковъ, *можетъ быть случайно* сгорѣвшихъ на кораблѣ, *была приписана* предумышленной жестокости императора и его аріанскихъ министровъ». Кажется, трудно сдѣлать больше, чѣмъ это сдѣлалъ Гиббонъ, чтобы подчеркнуть недовѣріе къ «вѣскимъ источникамъ».

Кстати два слова о пользованіи Гиббономъ. Проф. Гидуляновъ охотно его цитируетъ, но всегда по русскому переводу. Хорошо извѣстно, что переводъ этотъ во многихъ отношеніяхъ неудовлетворителенъ. Что же касается передачи свѣдѣній по церковной исторіи, то онъ преисполненъ курьезовъ, которые и были въ свое время отмѣчены критикой. Вообще принято цитировать подлинникъ и притомъ по послѣднему изданію. Таковыми для Гиббона является изданіе проф. Вугу. Проф. Вугу большой знатокъ церковной исторіи, гораздо болѣе освѣдомленный въ этой области, чѣмъ Гиббонъ, и сдѣлалъ очень цѣнныя прибавленія и исправленія ко всѣмъ семи томамъ. Можетъ быть, кое-что проф. Гидулянову тамъ и пригодилось бы.

На стр. 250 въ примѣчаніи проф. Гидуляновъ мимоходомъ бросаетъ такое замѣчаніе: «Откуда почерпнулъ А. В. Горскій, что на Миланскомъ соборѣ «присутствовалъ самъ Констанцій тайно за завѣсою» (Аван. твор. въ русск. пер. т. I, стр. 78)—Аллахъ его вѣдаетъ, и это тѣмъ болѣе, что самъ Аванасій сообщаетъ, что Констанцій «самъ предсѣдательствовалъ на судѣ» (Athanas. hist. arian. 76 р. пер. II, 168). Дѣло получаетъ такой видъ, какъ будто А. В. Горскій пустилъ въ обращеніе легенду о сидѣніи Констанція за завѣсою на Миланскомъ соборѣ. Кто сколько-либо освѣдомленъ объ А. В. Горскомъ, подивится такому обвиненію. Горскій былъ ученый титанъ, съ которымъ по обширной начитанности въ отеческой литературѣ можетъ быть сравненъ только Неандеръ. Въ Московской Академіи упорно держится слухъ, что онъ читалъ всю патрологію Migne греческой и латинской серіи. Кто работалъ по исторіи церкви въ богатой библиотекѣ этой Академіи, тотъ знаетъ, что тамъ трудно найти фоліантъ, поля котораго не были бы усѣяны замѣтками Горскаго. Онъ ушелъ въ могилу, не использовавъ своей колоссальной учености. Почему? Отвѣтъ

на этотъ вопросъ можно найти въ запискахъ С. М. Соловьева, недавно напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы». Горскій—жертва Филарета Московскаго, какъ и цѣлая плеяда другихъ первоклассныхъ талантовъ Моск. Дух. Академіи.—Все, что писалъ Горскій, онъ, конечно, могъ насыпать грудами цитатъ изъ источниковъ, но не дѣлалъ этого по своей для нашего суетнаго поколѣнія непостижимой скромности. Я безусловно убѣжденъ, что всякая попытка сдѣлать разоблаченія въ ссылкахъ Горскаго должна кончиться конфузомъ. Такъ это есть и въ данномъ случаѣ. Горскій читалъ всѣ источники эпохи Аѳанасія и Констанція и у Люцифера Каларійскаго видѣлъ такія слова, обращенныя къ императору: «*in tuo palatio intra velum stans*» и т. д. (См. 14 томъ Вѣнскаго CSEL въ *Luciferi Calaritani opuscula ex rec. Hartelli* p. 285). Я не могу не выразить удивленія, какъ проф. Гидуляновъ не замѣтилъ этого свидѣтельства, хотя онъ и ставитъ цитаты изъ Люцифера въ томъ же примѣчаніи.

Не менѣе удивительно и то, что проф. Гидуляновъ противъ мнимаго lapsus'a Горскаго дѣлаетъ заявленіе: «самъ Аѳанасій сообщаетъ, что Констанцій «самъ предсѣдательствовалъ на судѣ» (*Athan. hist. arian. 76*, руспер. 78). При чемъ тутъ этотъ «самъ Аѳанасій», когда въ томъ же примѣчаніи проф. Гидуляновъ опорочиваетъ эту «исторію арианъ» Аѳанасія и въ концѣ концовъ именно по занимающему насъ пункту дѣлаетъ объ этой «исторіи» такое заключеніе: «вообще является весьма загадочнымъ, откуда и какимъ образомъ вся исторія Миланскаго собора такъ подробно сдѣлалась извѣстною Аѳанасію, и это тѣмъ болѣе, что онъ самъ какъ во время собора (355 г.), такъ и позднѣе (*Hist. arian. написана въ концѣ 357 г.*) не былъ на Западѣ, а скитался въ пустынѣ, гдѣ онъ *никоимъ образомъ не могъ быть осведомленъ лучше, чѣмъ западные писатели-очевидцы—Иларій, Люциферъ и т. д.* Все изложенное заставляеть насъ отнестись въ высшей степени скептически къ даннымъ *hist. arian.*». Т.-е. на одной страницѣ «самъ «Аѳанасій» цитируется какъ авторитетъ, а на слѣдующей тотъ же «самъ Аѳанасій» въ томъ же сочиненіи по тому же вопросу объявляется человѣкомъ «неосвѣдомленнымъ».

Авторъ часто пользуется услугами Loofs'a. И однако онъ цитируетъ 3-е изданіе его *Leitfaden zum Studium der Dogmengeschichte*, хотя въ 1906 вышло уже 4-е völlig umgearbeitete Auflage.

Для *Lehrbuch der Kirchengeschichte Funk'a* авторъ цитируетъ даже 1-е изданіе при существованіи пятаго (стр. 494). Я не могъ достать этого стараго изданія и не могъ поэтому провѣрить ссылку на стр. 494, хотя она и возбуждаетъ у меня сомнѣніе.

На стр. 287 авторъ цитируетъ *Theophanis Chronographia* въ Бонскомъ изданіи по вопросу хронологическому. Хорошо извѣстно, что вообще хронологическія таблицы Теофана въ громадной части плодъ интерполяціи и содържатъ массу несообразностей. А старыя изданія лѣтописи только увеличиваютъ затрудненія. Болѣе или менѣе научное пользованіе хронологи-

ческой сѣтью лѣтописи стало возможнымъ только послѣ изданія De Voog'a, которое, именно, и нужно было цитировать.

На стр. 161 проф. Гидуляновъ, приводя разныя соображенія въ пользу теперь всѣми брошенной теоріи, по которой засѣданія 1-го всел. собора не ограничились 325 г., дѣлаетъ заключеніе, что «окончаніе Никейскаго собора имѣло мѣсто осенью 327 г.». Стоитъ цитата Gutschmid. Kl. Schriften Leipz. 1890. В. II. S. 427. Что можетъ подумать читатель при видѣ этой цитаты? Мнѣ кажется только то, что Гутшмидъ на сторонѣ даты 327 г. Но въ дѣйствительности мы видимъ, что у Гутшмида въ данномъ мѣстѣ процитированъ только источникъ въ пользу даты 327 г., которому самъ Гутшмидъ не придаетъ никакого значенія.

И. Андреевъ.

Новые журналы, поступившіе въ Редакцію.

Byzantinische Zeitschrift.

Band XVIII (1909). Heft 1—2.

	СТР.
P. Maas, Gius. Silvio Mercati und Sofr. Gassisi. Gleichzeitige Hymnen in der byzantinischen Liturgie	309—356
P. F. Krypiakiewicz. De hymni Acathisti auctore	357—382
M. Faulhaber. Katenen und Katenenforschung	383—395
Johannes Dräseke. Ratramnus und Photios	396—421
H. Pächali. Zu den Briefen des Michael Glykas	422—423
J. R. Asmus. Zur Rekonstruktion von Damascius' Leben des Isidorus	424—480
M. Treu. Athanasios Chatzikes	481—489
Henri Grégoire. Les veilleurs de nuit à Trébizonde	490—499
Henri Grégoire. Chronologie Byzantine	500—501
N. I. Γιαννοπούλου. Βυζαντινὰ Σφραγίδες ἀνέκδοτοι προερχόμενοι ἐκ τῆς ἐπαρχίας Ἀλμυροῦ	502—510
Paul Maas. Die Metrik der Thaleia des Areios	511—515

Échos d'Orient.

12-e année (1909). № 78.

M. Jugie. Phoundagiagites et Bogomiles	248—262
S. Salaville. Notes de topographie Constantinopolitaine. La porte Basilikè	262—264
A. Catoire. Nature, auteur et formule des peines ecclésiastiques d'après les Grecs et les Latins	265—271
S. Vanderstuyf. Étude sur saint Luc le stylite (879—979) (suite)	271—281
† J. Pargoire. Meletios Syrigos, sa vie et ses oeuvres (suite) .	281—286